

Александр Сеземин

**Майор Максимов в
поисках древнего
артефакта**

Александр Сеземин

**Майор Максимов в поисках
древнего артефакта**

«Автор»

2026

Сеземин А.

Майор Максимов в поисках древнего артефакта / А. Сеземин —
«Автор», 2026

Много веков назад написана картина. За время существования она приобрела сакральные свойства и может быть использована для разных целей. А вдруг она попадет в руки злоумышленников? Да, людей, вынашивающих злые замыслы. Кровавый путь картина уже начала. Майор угро Максимов отправляется в командировку расследовать странные события и не представляет с кем и чем придется столкнуться.

© Сеземин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Создание древнего артефакта. Первая часть	5
Преступить черту и покинуть бренный мир	8
Напрасная помощь	10
Люди, не помнящие добра	12
Тайное становится явным	14
Нарушение хода времени, изменившее будущее	16
Спасение от неминуемой гибели	18
Затерянная пещера в отрогах Урал камня	21
Спасение семейства волков	24
Заблудшая душа	26
Слухи о чудодейственной иконе	29
Разговор у костра с человеком из прошлого	32
Ночное наваждение	36
Взять грехи умершего	38
Чудотворная икона	40
Кража сакральной иконы	43
Нештатный выезд скорой помощи	45
Тайник с украденными ценностями	47
Давление на подозреваемого	50
Командировка майора Максимова в тайгу на розыски украденного артефакта	53
Девушка в обличье старухи	56
Несостоявшаяся смерть	59
Человек из прошлого	61
Бегство	64
Реальность и наваждение	66
Рассказ ночного гостя	69
Странные и нелогичные явления	72
Недовольные жители деревни	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Сеземин

Майор Максимов в поисках древнего артефакта

Создание древнего артефакта. Первая часть

Урал место удивительное и было заселено издревле, задолго до современного летоисчисления. Люди жили разные и по разному. Каких только народностей здесь не было, как кочевых, так и оседлых. Но нас с вами интересует одна небольшая деревня, затерявшаяся веке в четырнадцатом на западном склоне древнего уральского хребта. Место для поселения было выбрано удачно, протекала река, по ней проходил путь на восток на ту сторону хребта, в Сибирь. По этому пути странствовали торговые караваны, как по реке, так и пешие.

Кто населял эту деревню не так и важно, так как мы уделим внимание лишь одному жителю, отличавшемуся от остальных. Звали его Райда, держался он особняком и слыл чужаком. В деревне поселились его родители, пришедшие с запада с одним из караванов, родили сына, вырастили и пропали в одну из летних ночей. Куда они ушли, никто не знал. Наверное отправились странствовать дальше по белу свету, а может и по какому другому.

Райда местный язык знал плохо, хотя и родился здесь, а на родительском языке говорить было не с кем. Вот Райда больше времени и молчал, и кличку за это получил - Молчун.

Деревянный сруб с земляной крышей, построенный родителями Райды, для тех мест жилищем был необычным. Местные удивлялись избе, так она называлась, но скоро начали строить похожие, оказалось удобно, особенно зимой в лютые морозы. Переняли и печку, складываемую из плитняка, промазанного глиной.

Жители занимались охотой, рыбалкой, торговали шкурками соболя, так что жили хорошо. В горах водилось и золотишко, только этим промыслом занимались особые люди, своих потаенных мест не открывали. А купцы скупали рыжье за бесценок. Но добытчикам и такого дохода хватало, быть бы сытым и одетым. Золотодобытчиков по современным меркам можно было назвать таежными романтиками.

Райда не стал охотником промысловиком, на золото в тайге натывался, но относился к нему равнодушно. Зверя и рыбу добывал только для пропитания, соболя, попавшего в петлю, даже отпускал, зайчатины хватало.

За деревней в тайге возвышалась скала ТугАнка, местные обходили ее стороной, считали нехорошим местом. Когда-то давно на нее попытался взобраться ТугАн, сорвался и погиб. А Райда нашел путь, взбирался на самую вершину, где имелась ровная площадка, скала была как обрезана, и подолгу стоял в ожидании рассвета и ловил первый луч Солнца, показывающийся из-за Урал камня. Так издревле назывались Уральские горы.

Кто-то из местных охотников однажды увидел Райду, стоящим на Туганке, и рассказал об этом. С этого дня у Молчуна и появились первые проблемы, назовем их так, в отношениях с местными. Как можно было назвать человека, да еще родившегося от пришлых, забравшегося на проклятую и поэтому запретную скалу, конечно Колдун. Райде конечно ничего не сказали, но его избу начали обходить стороной, а встречая на улице, вообще убегать прочь.

Молчун не задумывался над этим, жил он в своем, одному ему известном мире. Только когда в деревне умер ребенок местного вождя, Колдуна выгнали, спокойно и тихо, а его дом сожгли. Райда ушел в чем был, да собственно ничего у него и не имелось. Жить Молчуну было где, потаенных мест в тайге хватало. А приспособы для рыбалки и охоты у него хранились в пещере недалеко от Туганки. Собственно в жизни Райды ничего и не поменялось.

Лаз в пещеру был узким, длинным. Мороз зимой в пещеру не проникал. В пещеру был очаг, дым поднимался вверх и уходил через трещины горного кряжа. В пещере гулко звучала капель, пополняя ручеек, журчащий у стены слева. И эта капель, и журчание ручья создавали музыку, проникающую в самую душу. Наверное обычный человек не смог бы долго находиться в подземелье, тем более жить. Только Райда не слышал этих звуков, они и так были внутри него всегда.

Если первый луч Солнца Райда встречал стоя на скале, то провожал дневное светило у стены, рядом со входом в пещеру. Стена была вертикальной и ровной, быть может в древности ее специально сделали такой. Только кто и зачем? Райда использовал стену по своему. Солнце заходило на западе и когда касалось зеленого таежного моря, его последние лучи прорывались через вершины елей великанов. И тени могучих исполинов ложились на гладкую стену.

Каждый раз рисунок получался новым, неповторимым. Райда сначала просто наблюдал за движением теней по стене, а потом начал обводить их угольком из очага. Изображения дополнялись, плыли, становилось объемными и пропадали. Шли дожди, рисунки смывались, и все начиналась сначала. Зачем рисовал Райда, он не знал, да и слова такого не знал. Ему просто нравилось обводить тени, медленнодвигающиеся по гладкой поверхности скалы.

Ручей, протекавший через пещеру, пробивался наружу и проложил себе путь вниз по склону оврага. Райда выкопал яму, выложил ее камнем, получился колодец. Теперь вода отставалась здесь, дно казалось близким, что было совсем не так. Ручей не замерзал зимой, скрываясь под снегом, цвет воды иногда менялся, примешивались породы, вымываемые в толще горы. В жаркие летние дни отшельник раздевался, опускался в колодец и подолгу стоял в ледяной воде. Вода не обдавала холодом и даже согревала. По крайней мере так казалось.

Время шло не быстро и не медленно, одному ему ведомым порядком. События двигались своим чередом, не зависимым от времени. И в их нестройном ряду оказалось одно, примечательное. Хотя очень долго Райда не замечал изменений в своей жизни. Для отшельника событие оказалось вполне обыденным.

Рано утром в солнечное зимнее утро Райда вылез из пещеры и увидел женщину, опустившуюся в колодец. Она стояла тихо, прикрыв глаза, и только ее губы беззвучно шевелились. Отшельник подошел к колодцу, разделся и стал ждать своей очереди. Так прошел час, а может и два. Наконец женщина вылезла, сделала это грациозно, и встала нагая перед хозяином пещеры. Длинные русые волосы опускались ниже пояса, между ними угадывались глаза, цвет которых было не угадать, быть может из-за того, что он менялся.

- Миролюба, - женщина произнесла свое имя.

- Райда, - ответил отшельник.

- Можно я останусь? - Женщина говорила почти не открывая рта, только ее полные губы еле заметно приоткрывались. Сама она была ни худой, ни полной, очень женственной и наверное красивой.

- Живи, - разрешил Райда. - У тебя есть одежда?

- Есть, - ответила Миролюба.

- Я буду звать тебя МИрой.

- Так меня еще никто не называл.

- Ты не обидишься?

- Нет, мне нравится - МИра... необычно и странно. Ты понимаешь меня?

- Да, чувствую о чем говоришь. А ты, понимаешь меня?

- Это просто, я научу.

- Где твоя одежда?

- У дерева, страж охраняет ее.

- Он будет жить с нами?

- Ты боишься его?

- Нет. Мне пора в колодец.

- Иди.

Так и начали жить вместе Райда и Миролюба, не как соседи, а как муж и жена. Страж был похожим на крупного волка, глаза его мерцали не только ночью, но и днем.

Первое изображение Миры отшельник нарисовал примерно через неделю после ее появления. Получилось это случайно. Лучи заходящего солнца пронизывали Миру насквозь, и на стене отобразилась не ее тень, а изображение, переливающееся разными цветами. Райда начал обводить его углем, но получалось плохо.

- Тебе нужны краски, - прошептала Мира. - Я научу их делать.

Первую картину, портрет Миры, Райда нарисовал через год, красками, нарисовал все на той же стене. Для изготовления красок использовалась вода из пещерного источника и минералы разных цветов. Процесс изготовления красок можно было сравнить с алхимией, и пусть это останется тайной. Портрет не смывался дождями, мерцал в лунном свете, искрился в солнечном сиянии. А глаза Миры на портрете тоже меняли цвет, как и у живого оригинала.

Следующий портрет Райда нарисовал на холсте, натянутом на раму. Холст конечно был никакой не холст, а его грубая рубаша, покрытая грунтом, обретшая прочность. Особенностью портрета оказалась его невидимость. Лицо Миры можно было разглядеть лишь при свете Луны и глядя на холст под определенным углом. Дневной, солнечный свет, проявлял на картине лик старца, проявлявшийся совсем под другим углом. Причем старец показывался не всегда, даже редко, быть может когда сам хотел этого. Пытаться разглядеть картину, стоя прямо перед ней, было бесполезно. Вне зависимости от времени суток и освещения холст представлялся темно серым с примесью больного цвета, местами просто черным.

В портрет была заложена великая тайна. Разгадать ее, значило прикоснуться к одному из секретов мироздания.

Преступить черту и покинуть бренный мир

Райда и Миролюба жили очень просто, а питались тем более. Мира не признавала мяса, сушила травы, ягоды и грибы на зиму и ела очень мало. А летом ей вообще было проще. Пройдет по округе, пощиплет малины и сыта. Ее страж, похожий на громадного волка, добывал себе пропитание сам и был очень доволен такой самостоятельностью.

Если Мира существо, как говорится, не от мира сего, то Страж, так она и называла лохматого зверя, улавливал малейшие изменения в окружающем лесу и в случае опасности прижимал уши и топорщил шерсть. Опасность могла исходить только от крупного зверя, медведя например, стаи волков или секача, охраняющего кабаний выводок. Страж еще издавал грозное утробное рычание, большей частью не слышимое для человека, и непрошенный гость тут же уходил.

Люди из деревни не ходили к Туганке, боялись, и наверное даже не знали, что около проклятой скалы поселился изгнанник, да еще с пришлось женщиной, взявшейся неизвестно откуда. Вообще судьба Райды, так и оставшегося чужаком, их нисколько не волновала. Не стало человека – и ладно.

Мира не только научила Райду изготавливать краски и рисовать, она дарила отшельнику всю себя. И это не ограничивалось только ночным соединением в единое существо с одной душой. Райда ощущал себя вне пространства и времени, он даже лишался собственного тела и растворялся в чем-то мягком, податливом, теплом. Так наверное ощущает себя младенец в утробе матери.

Райда и Мира не разговаривали, им не о чем было говорить, все было сказано в первый день появления странной девушки. Да и девушкой ли она была, человеческим ли существом. О таких высоких материях Райда просто не задумывался, просто не знал, можно ли думать о таком. Ему было хорошо, впрочем как и раньше без Миры. Существовала конечно разница между прежней жизнью и настоящей, только не для отшельника.

Изображение Миры оставалось на стене. Со временем краски не выцветали, а даже приобретали новую глубину и яркость. Райда и этого не замечал. А холст, растянутый на неровной деревянной раме, хранился в пещере, в самом дальнем углу. Туда его убрала Мира ничего не объясняя, да собственно и объяснять-то было некому. Казалось, что Райда нарисовал свои шедевры и как бы забыл о своих единственных портретных творениях.

Утром жители пещеры поднимались на проклятую скалу, теперь вдвоем, держась за руки, встречали первый луч Солнца. При его появлении Мира становилась прозрачной, как бы таяла и растворялась в пространстве, но Райда по-прежнему ощущал ее руку в своей. Солнце поднималась выше, Райда вновь обретала плоть, и начинался новый день с забот, не трудных, но важных.

Лето сменялось зимой, зной холодом, а день ночью. Сколько лет прошло с появления Миролюбы, трудно сказать, их никто не считал. Но однажды морозным зимним днем Мира растаяла в солнечных лучах в очередной раз. Райда по-прежнему ощущал ее руку в своей, но когда Солнце поднялось выше, Мира исчезла, а вместо нее на скале оказалась маленькая девочка. Ее ладошка была крохотной и мягкой, одежда Миры была ей велика. И девочка оказалась черноволосой и кареглазой, похожей на Райду.

- Люба ты моя, - прошептал Райда, назвав девочку второй частью от Миролюбы. - Мира, твоя мать, а я Райда, твой отец. Будем жить вместе?

- Мира ушла дальше, я буду с тобой, - девочка говорила как мама, только шевеля губами, слова сами возникали в голове у Райды.

Люба была еще маленькой, беспомощной девочкой, только не простой. Райда осторожно спустил ее со скалы, Люба тут же сбросила одежду и прыгнула в колодец, погрузившись в

ледяную и согревающую воду. Девочка умела плавать, не дышала под водой и забавлялась в прозрачной субстанции. Райда смотрел на нее радостно, теперь и это чувство стало для него доступно, с Мирой было все не так, по другому. С Мирой отшельник испытал нежность, а Любу он любил как отец.

Страж остался с отцом и дочерью. Долго обнюхивал Любу, ворчал по своему, но видимо смирился с тем, что его прежней хозяйки больше нет.

Отец и дочь сидели у костра в пещере. Райда закутал девочку в шкуру и перешивал для нее одежду матери. Люба смотрела на огонь, ее глаза, черные в свете пламени, мерцали яркими сполохами. Что видело в огне это неземное создание, могла знать только она одна.

Изображение Миры располагалосьверху ровной стены. На оставшейся части Райда снова начал обводить вечерние тени, теперь уже не углем, краской. Его умение снова потребовалось. Люба всегда стояла рядом и смотрела за работой отца. Стена постепенно покрывалась разноцветным узором. Он получался объемным, глубоким, стена как бы терялась и растворялась за ним. Это уже был и не узор, а целый мир. Казалось, сделай шаг и окажешься в другой вселенной. Портрет Миры с меняющимися глазами тоже перестал быть плоским и погрузился вглубь разноцветного узора.

- Мама придет за мной? - Как-то спросила Люба.
 - Ты сама догонишь ее, - ответил отец.
 - А ты, ты пойдешь с нами?
 - Не знаю...
 - Пойдем вместе.
- Попробую.

Напрасная помощь

В какой-то день Райда занемог и не смог встать утром. Его бросало то в жар, то в холод. "Колотит," - как он сам сказал дочери Любе. Наверное он заболел первый раз в своей жизни. Если бы заболел раньше, вряд ли дожил бы до рождения дочери.

- Прыгни в колодец, поможет, - посоветовала маленькая Люба.

- Не доползти мне, помру, - еле прошептал Райда пересохшим ртом с потрескавшимися губами. - Поспешай за матерью без меня...

- Что ты! - Возразила дочь. - Ты встанешь, я сейчас.

Люба взяла деревянную плошку, сходила до каменного колодца и принесла воды. Потом развела пожарче очаг, долго водила пальцем в плошке с водой и шептала. А когда закончила шептать, брызнула каплями воды на огонь. Огонь не зашипел недовольно, наоборот, треснул искрами, и пламя взметнулось выше, чуть не до каменного закопченного свода.

- Пей, - девочка приподняла голову отца и поднесла плошку к сухим губам, - только все, иначе худо будет.

Райда глотал воду с трудом, она была ледяная, но обжигала сильнее чем кипяток. Останавливался, чтобы отдышаться и продолжал. Сначала наступило бессилие, потом отшельник провалился в черный омут и забылся. Пришел не сон и не явь, наступила не чернота и не свет, а серые сумерки без времени, без низа и верха, без ничего. Глаза Райды закрылись, дыхание сделалось не таким горячим и ровным.

Люба оставшимися каплями из плошки брызнула на лицо отца и долго еще шептала слова, или не слова, может и ей самой непонятное...

Отшельник проснулся, открыл глаза и понял, что как прежде полон сил. В пещере горел очаг, только рядом с ним сидела не девочка, а девушка.

- Ты Люба? - Спросил он, не вполне владея собой, и добавил. - Я долго спал?

- Столько, сколько надо, - ответила девушка голосом его дочери.

- Ты стала похожа на мать.

- Я есть и Мира, и Люба, так наверное...

- Сейчас лето или зима?

- Лето, травы колосятся, ягода поспела.

- Скоро осень.

- А потом опять зима... вставай, Страж заскучал без тебя.

- Пойду на охоту, - Райда легко поднялся со своего ложа, оделся, как и не было ничего, никакой болезни, и лег спать только вчера.

А Люба посмотрела на свое отражение в колодце и поняла, что время рядом с отцом сократилось. Девушка любила бродить одна, собирала грибы, ягоды, травы, готовила запасы на зиму. Все делала также, как ее мать. Только солнечные лучи не пронизывали ее, и предназначение этого существа было иное. Люба больше ходила в сторону деревни, ее тянуло к людям. Иногда девушка даже доходила до опушки леса и смотрела на деревянные домики. Из труб шел дым, селяне занимались обычными делами.

Только жизнь человеческого поселения никак не укладывалась в голове девушки. Ей было все равно, смотреть на муравейник, или на людей. На ее взгляд, совершалось слишком много ненужных и напрасных действий, движений, иногда жестоких. Люба увидела, как двое подрались. Причина драки была пустячной, но два мужика плохо понимали, что делают, с трудом не падая от выпитого ядовитого напитка.

Зато женщины ходили в лес за грибами и ягодами совсем также, как и Люба. Вот только трав они не собирали, видимо не знали их целебных свойств. Удивляло и то, что в лес ходили

женщины, носящие под сердцем еще не родившихся детей. Им было тяжело, но видимо в поселении не существовало разницы между беременными и квелыми.

Как-то раз женщина, срок вынашивания ребенка которой был недалек от завершения, почувствовала себя плохо, отстала от остальных и села у дерева. Позвать подружек у ней не хватило сил. Люба осторожно подошла к ней, та вздрогнула, даже хотела закричать, испугалась, сил подняться у ней конечно не было.

- Тшшш, - прошептала Люба и приложила ладонь ко лбу женщины. Та сразу успокоилась, глаза ее закрылись, и женщина сползла на мягкую пожухлую хвою. Держа левую руку на голове, правую Люба приложила к животу женщины.

- Рано, погоди, не торопись, - девушка даже не шептала, только губы ее еле заметно шевелились. - Набегаясь еще, мальчонка. Мамку не пинай, четыре седмицы осталось. Там тебе покойно, хорошо, а тут кто знает, как жизнь сложится. Всякое может случиться, спи пока...

И мальчонка затих. А когда мамка его проснулась, то подумала, что сон ей привиделся - пришла ведунья, сняла боль и дальше можно жить до назначенного срока. Женщина пролежала у ели недолго, подружки не спохватились. "Грибов набрала мало," - не успела подумать, как увидела, что корзинка ее полная, да заполнена все больше боровиками. Но тут уж делать было нечего, не выбрасывать же. Так и пошла дальше, догнала своих, а они еще и похвалили - вот какая, хоть в тягости, а набрала больше всех.

Уже пересекая луг между лесом и деревней, Каля, так звали женщину, поотстала от своих, все же идти ей было труднее квелых, и обернулась, как почувствовала что. Лес стоял, как лес, тихий - день выдался ясный и безветренный. И вдруг между деревьями как тень промелькнула и тут же пропала.

- И не сон это вовсе был, - шепотом рассказывала Каля свекрови, они вместе перебирали принесенные грибы. - Смотри боровики какие, на подбор. Где мы ходим, таких и нет.

- А это что? - Свекровь нашла между грибами веточку не веточку, травинку не травинку. - Цветы на ней мелкие, желтые.

- Не пахнет, - Каля понюхала. - Так наверное попала, случайно.

- А не твоя ведьма подложила? - Насторожилась свекровь.

- Да ей-то зачем? Никакая она не ведьма, ведунья если. - Каля вроде как случайно отложила веточку в сторону, с глаз долой.

- Не прожить одной в лесу, - ворчала свекровь, - вот и ведьма, если одна. Ты пока больше в лес не ходи. Если она тебя приметил, заморозит, обратно дороги не найдешь, сгинешь в болотине. А говорят еще, у Туганки лешак живет, ночью воет. Отведет к нему, а там поминай как звали...

Каля спорить со свекровью не стала, а веточку с желтыми цветочками положила себе под подушку. Спала она одна, так как была на сносях. И с той ночи снились ей все больше хорошие сны - цветущие луга, да утки на реке. А сынок притих, ножками пинался осторожно, ждал своего срока. И Каля уже знала - сын у ней будет, даже имя придумала, но никому не говорила, даже мужу.

Не удержалась Каля, рассказала подружке про сон, не сон, про корзинку, полную боровиков, про ведунью. Только про заветную веточку не помянула. Веточка засохла, так и лежала под подушкой, хранила покой. Свекровь тоже пустила слух, только другой, про ведьму, поселившуюся с лешаком у Туганки. Кто-то перестал ходить по грибы в ту сторону, испугались селяне. А другие втихаря, все больше девки незамужние, повадились в одиночку бегать к ведунье. Так называли теперь Любу. Каля показала место, где сон ей привиделся.

И помогала им ведунья, от хвородьбы избавляла. А кому надо было, понесли. Ну и прочее исправляла, как могла конечно. Беда была в другом - не знала Люба человеческих обычаев. И скорее рано, чем поздно, такая помощь могла боком выйти.

Люди, не помнящие добра

После болезни Райды прошел навверное год, это по нашим меркам. А жители села отметили лютую зиму, бурную весну, дождливое неурожайное лето и встретили опять осень, длинную, тихую в этот раз. Надо отметить, что зимой тропинку через луг к Туганке не успевало переметать, да и летом она оставалась натоптана. О ведунье в селе, а оно постепенно разрасталось, место было не столь хорошее, а выгодное для торговли, знали все. Отношение к ней оставалось разное. И нельзя сказать, кого было больше, тех, кто считал Любу ведьмой, или ведуньей. Кстати замечу, два этих понятия однокоренные. Наверное силы, данные сверху, можно использовать по разному, во благо, или во зло.

Каля разрешилась от бремени благополучно, в срок, и мальчонка родился крепенький, глазастый. Что-то было в его глазах, только люди не знали как сказать об этом. Придуманное заранее имя пришлось кстати, как раз к глазам - Пересвет. Имя для тех мест оказалось необычным, но мать настояла, муж согласился, а свекровь насупилась. И кто его знает, может и злобу затаила на внука. Пересветом конечно мальчика не звали, длинно и непонятно, а говорили просто - Светоч. Из глаз мальчонки так и струился свет, а сам он не плакал, а все больше улыбался.

Светоч родился в начале лета, а в разгар осени рано поутру Каля понесла мальчика к ведунье, захотелось показать парня и спасибо сказать. Место, где женщина первый раз встретила Любу, стало другим, не диким, деревенские часто здесь бывали. А ведунья как и ждала, только сделалась совсем другой, старше стала. Встретилась со Светочем глазами, сказала матери, - иди за мной, - и не оборачиваясь пошла в лес. Каля сначала испугалась, но сынок зашевелился и прогулил что-то свое с улыбкой.

К Туганке тропинок не было, никто из села не ходил в проклятое, как считали жители, место. Каля старалась не отстать, ведунья шла быстро, ей не нужны были тропинки в густом ельнике. От движения Любы не дрогнула ни одна веточка, не осыпалась ни одна иголочка. Матери приходилось сложнее, еловые лапы хлестали по лицу, да и Светоча надо было прикрывать, держа на руках, подставляя плечи и локти.

У скалы ведунья остановилась, не спрашивая взяла у матери ребенка. Та безропотно отдала, верила, ничего дурного лесная жительница с ним не сделает, раз уж помогла появиться мальчонке на свет. Люба привязала Светоча себе за спину, тот притих, не роптал, и полезла с ним на скалу по одной ей, да еще Райде, известной каменной тропке.

- Жди, - услышала Каля и присела у замшелого камня в ожидании, не зная, надо ли было нести Светоча к ведунье. Сколько так прошло времени, неизвестно, наверное женщина задремала, а когда проснулась, то почувствовала в своих руках сына. Ведуньи уже не было, смеркалось, надо было как-то выбираться обратно. Только в какую сторону идти, Каля не знала и заплакала в бессилии, ругая себя за то, что пошла в лес.

Но тут зашевелился Светоч, загулил, и женщина вроде как поняла, куда идти. Ельник вокруг Туганки разросся густой, сумрачный, определить где находилась деревня по обычному было нельзя. Но Каля шла и шла, веря, что ведунья опять же не могла ее вот так просто бросить. Место, где ведунья встречала жителей села, по пути не попалось, да и луга не было. Женщина вышла к реке ниже села километра на два по течению, здесь деревья подступали к краю обрывистого высокого берега, и пошла домой.

Только тут Каля обратила внимание, что день еще только начинается, сначала опять испугалась, подумала, день уже следующий, ее потеряли, но успокоилась, решила будь, что будет.

- Ты куда с утра утряслась? - Недружелюбно встретила ее свекровь.

- Светоча до речки сносила, уточек показала, - ответила женщина, поняла, вернулась так, что и часа не прошло.

- Корова не доена, а ты гулять отправилась, - продолжала ворчать свекровь, гремя посудой, - мужа твоего мне пришлось кормить.

- Так он и сын ваш, - ответила Каля, укладывая сынка в люльку. Не стала ждать сетований свекрови и побежала в хлев. Трудный женский день в деревне только начинался.

Прошел еще год, трудный, даже плохой, так и считались года по осени. По реке тем летом из-за Урал камня в ночь на лодках приплыли хитники, бедовые люди - грабили, убивали, жгли, девок молодых, кто не разбежались, в полон увели. Каля, в чем была, бросилась бежать по селу со Светочем на руках, голося что есть мочи, зовя баб и ребятишек за собой. Кто побежал за ней, было их много, спаслись. Увела Каля селян к проклятому камню, Туганке.

Хитники вроде и пытались догнать беглецов, да не очень у них получилось, заблудились, не смогли пройти через густой ельник, и в село даже вернулись не все, так и пропали. Несколько дней сидели жители вокруг камня, кормились чем придется. Есть было что летом в лесу. Многие камня боялись, боялись и ведьмы. Ведунья, все же для большинства беглецов, была доброй, ходили они к ней раньше за помощью. И когда она появилась, обрадовались, в ноги поклонились, поняли - защитила их ведунья, уберегла от верной смерти.

А когда появился Райда, в селе его давно считали сгинувшим, то страху тоже было много. Отшельник принес котелок, зайчатины, мясо беглецам тоже требовалось, огонь развел, похлебку сварил. Кто-то конечно отказался есть, так и боялись, а другие уминали варево с удовольствием. Частенько вредные предрассудки мешали людям жить.

Набег хитников научил селян многому, нельзя было жить не обороняясь. Нападение было если и первым, то далеко не последним. В богатом селе всегда найдется чем поживиться. Создали дружину, построили со стороны реки укрепления и стали выставять караулы, особенно в ночь. У проходящих по реке караванов начали покупать не только утварь для мирной жизни, но и оружие, кольчуги, латы.

Сначала дружина была вроде как на общественных началах. С каждого двора в ней были мужики, кто покрепче. Потом освободили их от повседневной работы, ну и так далее. На реке построили заграждения, впрочем отгородили частоколом и зажиточную часть села. С проходящими караванами начали не просто торговать, а брать дань - наша река! И получился вроде как укрепленный острог, городок, со своей властью и войском. Но все произошло не сразу и не вдруг. И в этом повествовании нам интересно совсем другое.

После первого набега, от которого и оправиться еще не успели, беды не закончились. Пропал муж Кали. Пошли его искать, нашли. И нашли, как посчитали, в нехорошем месте. С него виднелся возвышающийся над тайгой проклятый камень. Муж Кали был опытным охотником, но попал в чужой капкан, поставленный на медведя, или другого крупного зверя. Так и погиб, не смог освободиться, истек кровью.

Неписанные законы были суровы - тот, кто поставил капкан, должен был взять на содержание семью, оставшуюся без кормильца, пусть и не по его прямой вине. Никто не признался о капкане, уж очень тяжела становилась новая обуза. Вот тогда снова и обратили внимание на Туганку, виднеющуюся вдалеке. Вспомнили и про Райду, которого видели беглецы у проклятого камня.

- Он виноват, - тут же решили на общем сходе.

И никто не сказал слова в защиту, боялись осуждения. А может уже и забыли про добрые дела то ли ведуньи, а может быть и ведьмы, да и про то, как Райда кормил беглецов во время набега. Каля тоже слова не проронила, прижимала к себе Светоча со странными глазами и боялась. Боялась не столько за себя, за сынка - Как бы общий гнев не перекинулся и на него, не такого как все, да еще с чужим именем.

Тайное становится явным

- Уходить пора, - Люба присела у входа в пещеру рядом с отцом.
- Иди, - ответил Райда и прикрыл глаза, подставив лицо полуденному солнцу.
- Уйдем вместе, - настаивала дочь.
- Я не смогу жить там, - отец замер, улыбка проявилась на его лице, тихая и спокойная, быть может обреченная.
- Они убьют тебя, - продолжала дочь.
- Знаю, - Райда посмотрел на Любу. - Мы встретимся, быть может. Наши пути разные, но придем в одно место, ты знаешь...
- Твой путь тернист.
- Это мой путь, что суждено, так тому и быть.
- Не могу принять этого... ты так спокоен.
- Слышишь?
- Они уже близко.
- Забери Стража...
- Он не пойдет.

И правда что, Страж стоял чуть впереди, шерсть на загривке волка вздыбилась, он рычал тихо, грозно и утробно.

- Беги! - крикнул Райда и поднялся на ноги.

Люба обернулась в сторону леса. Из-за деревьев показались люди, стражники из села, но подходить ближе не смели, остановились. Они ничего не говорили, не требовали. Вперед вышел стражник, одетый получше остальных, и поднял лук. Остальные последовали его примеру. Острые стрелы полетели вперед, ища свои цели.

Ведунья замерла на миг и исчезла, ушла в стену, так показалось стражникам. Стрелы, направленные в нее, стукнулись о камень и бессильно упали на землю. А Райда стоял секунду, две и упал, так и улыбаясь, утыканный острыми жалами. Долго бился Страж. Стрелы не могли причинить ему большого вреда. Он успел положить несколько врагов, вцепившись им в глотки клыками. Но и он пал. Меч старшего дружинника нашел уязвимое место.

Когда все стихло, стражники все же решили подойти к скале с рисунком, ком. Но только сделали несколько шагов, как случилось невероятное для тех мест. Сначала на портрете Миролюбы, как бы ушедшем вглубь скалы за цветной рисунок, сверкнули глаза, да так, что задрожала земля под ногами нападавших, с горного края посыпались камни и завалили вход в пещеру, где жил Райда.

А потом тряхнуло так, что ровная поверхность скалы с рисунком раскололась по диагонали сверху вниз. Странный рисунок Райды потерял свою сущность, сразу исчезла его объемность, на камне остался просто разноцветный узор, рассеченный трещиной надвое. Портрет Миролюбы остался цел, но глаза на изображении перестали мерцать, потухли.

Стражники замерли, как прикованные, а потом побежали прочь, с трудом находя дорогу к селу. И если раньше место около Туганки называли проклятым, то теперь оно превратилось в обиталище злых духов. Постепенно заросло, а лет через двести вообще оказалось забытым. Само село было уничтожено. Стража спасала от хитников, но не защитила от набегов кочевых племен, приходящих из Сибири.

Купеческие караваны проплывали по реке свободно, дань с них больше никто не требовал. У обгоревших останков домов села никогда не останавливались. Место получило дурную славу. И что только не напридумывали люди, каких небылиц не рассказывали, но о Миролюбе, Райде и ведунье ничего не говорили. Были они стерты из человеческой памяти.

Пересвета, Светоча, вряд ли можно было отнести к человеческой братии, хотя и родился он от вполне земной женщины по имени Каля. Ведунья заглянула в его светлые глаза, забираясь с ним на Туганку, и Светоч вырос весьма странной личностью, мало похожей на человека. Он и в набеги кочевников выжил. Правда уже не в селе. Уплыл, никого не спросясь, с одним из караванов, спрятавшись среди товара. Мать его конечно погоревала, но не так и долго, некогда было.

А Светоч помнил все и всех, и про портрет, заваленный в пещере. Тайна существовала и должна была быть раскрыта.

Нарушение хода времени, изменившее будущее

Время обладает довольно странным свойством - не просто отсчитывает происходящие события, а может напрочь вычеркнуть их сначала из памяти человеческой, а потом из общего хода истории. Вот и о селе, когда-то стоящем на излучине реки, берущей свое начало в одной части света, и впадающей в более полноводную артерию уже в другой, не осталось ничего.

Село, или даже внушительный острог, сначала был разрушен до основания, потом река изменила свое русло и отошла в сторону. А затем и тайга за какие-то двести лет скрыла обгоревшие остовы деревянных домов, окончательно стерев следы пребывания человека.

Река не только изменила свое течение, но еще и обмелела, стала несудоходной и потеряла свое значение. Из Европы в Азию были проложены новые сухопутные пути. И по ним теперь двигались совсем другие караваны, все больше на телегах с конной тягой. Местность, где когда-то шумела жизнь, гордо возвышались сторожевые башни острога, вернулась к своему первоначальному виду. И даже первопроходцы, оправлявшиеся на поиски руд, золота, драгоценных камней не забредали сюда. Лишь дикие звери, да птицы вольготно чувствовали себя в отсутствие человека.

Однако пришло время освоению Урала и Сибири. Вдоль Уральского хребта возникали новые поселения, строились заводы, пришлых жителей становилось все больше. Раскол церкви внес свою лепту в освоение неисследованных новых земель. Староверы уходили в тайгу, строили свои скиты, похожие на прежние остроги, окруженные высоким частоколом, сторожевыми башнями. И чем восточнее осваивались земли промышленниками, тем дальше уходили староверы.

Один из таких скитов был построен вокруг Туганского камня. Конечно новые жители не знали печальной истории этого места, тем более не догадывались, что оно в не таком и далеком прошлом, было проклято. Староверы молились Спасителю, а скала нужна была исключительно для обзора близлежащей местности. Хотя, даже если бы кто-то вздумал незаметно подобраться к убежищу староверов, то мог сделать это беспрепятственно. Зеленое таежное море скрывало все. Лишь вершины могучих елей раскачивались подобно волнам при сильном ветре.

У староверов жил Христо, что считалось нарушением среди приверженцев строгой веры. Человек этот приблудился раньше, когда изгнанники только искали место для своего жилья. Бродил по тайге один, промышлял охотой и не мог объяснить, кто он такой есть. Зато лишние рабочие руки, притом настоящего таежника, оченьгодились. Подкупило и имя – Христо, значит Христос, человек был кем-то назван в честь Спасителя. Правда по своей сути был он безбожником, но на богослужениях стоял вместе со всеми, даже подпевал и креститься научился правильно, двумя перстами.

Среди староверов Назия тоже считалась чужой, в ней наверное текла и татарская кровь. Вообще, на Руси сложно разыскать жителя, относящегося только к одной национальности, коих на громадной территории жило достаточно. И смешение кровей хорошо сказывалось на продолжении рода. Свежая струя добавляла сил, открывала способности, о которых раньше и не слышали.

Назия жила у староверов с самого рождения. Ее мать, так и оставшаяся неизвестной, умерла во время родов, девочку пожалели, даже назвали татарским именем. Как мать оказалась среди приверженцев строгой веры, забыли, а может просто не говорили, чтобышний раз не задумываться, да и не каяться в нарушениях.

И вот Назия выросла. Похоже воспитание в очень специфичной общине оказало сильное влияние на девочку. Она стала православной от рождения, другой веры не знала и приняла все известные старообрядческие догматы. Правда в церкви на службах стояла в самом дальнем

углу от клироса. Верила по-настоящему, молилась искренне, открывая всю свою душу Спасителю, в которой не имелось ни одного темного пятнышка.

Правда одежда, особый платок, обрамляющий татарские черты лица, выглядели странновато. Жила Назия у немощной бабушки, вела хозяйство, не зная другого занятия. Мир был ей известен не дальше окрестностей скита, куда Назия ходила с остальными по грибы и ягоды, ну и за хворостом. Одна стена частокола, окружающего скит, шла по краю невысокого обрыва, под которым протекал ручей. Воды в нем хватало на все нужды староверов – для готовки и для стирки.

Сначала Христо поселили в сарае у той же бабушки, а спустя какое-то время он незаметно перебрался в дом. Причина для такого переселения получилась вполне простой – очередная зима выдалась очень холодной. Потом бабушка отбыла в мир иной, а Христо и Назия так и продолжали сосуществовать в одной комнате маленького бабкиного дома. Раз они оставались чужаками, то и строго внимания к молодым не было, живите, как хотите.

Надо отметить, ничего предосудительного между Христо и Назией не было. Христо был постарше, и девочка выросла не без его участия. Он был ей конечно не мужем, но и не отцом и не братом. Как-то раз, когда Христо засиделся в дозоре на скале, нравилось ему там бывать и наблюдать за окрестностями не столько для предупреждения нападения со стороны, сколько чтобы полюбоваться красотой окружающего мира.

Назия не дождалась Христо к обеду, собрала, что было в узелок и залезла на скалу. Увиденное с высоты поразило девушку, оказывается мир был гораздо больше, чем она думала. Назия подставила лицо слабому ветерку, прикрыла глаза, не столько смотрела вдаль, сколько ощущала пространство. Почему-то дали были не замершими, а изменчивыми.

Христо подошел к девушке, взял ее за руку, и в этот миг молния проскочила между ними. Никто другой, ни сами, стоящие на скале, в тот миг не могли знать, к чему приведет столь невинное соприкосновение рук, нарушившее ход времени.

Спасение от неминуемой гибели

Христо взял девушку за руку и тут же отпустил, закружилась голова. А может мир под незыблемой скалой качнулся и поплыл вниз. Зеленое колышущееся море отступало, его накрыла серая непроницаемая мгла. Не то что ветра не стало, движение воздуха прекратилось, казалось вот - вот, и перехватит дыхание. Как будто воздух загустел, сделался осязаемым и тяжелым.

Невольно Назия качнула левой рукой, и тыльной стороной прикоснулась к безвольно свисающей правой кисти Христо. Он вздрогнул, как очнулся от долгого и тяжелого сна. Его потерянная память вдруг проснулась. Оказывается она и не терялась вовсе, всегда была, только ее надежно спрятали в глубинах сознания. Пробуждение было тяжелым, как иголка воткнулась в голову и не давала покоя, а может не давала заснуть, жалила. Звон, как писк комара, возник из ниоткуда, быть может изнутри, то становясь громче, то почти пропадая.

- Светоч, меня зовут Светоч, не Христо, - прошептал очнувшийся от долгого сна. - Я был когда-то на этой скале, еще ребенком. А может это был другой человек, во мне проснулась его память. - Рассуждения таежного отшельника, говорившего-то с трудом, знавшего крайне мало, оказались слишком умными.

- Смотри, - Назия подняла свою руку и показала Христо.

- Что это? - Отшельник с трудом тряхнул головой.

- Хвоинка прилипла. - Девушка уже хотела стряхнуть прилипшую рыжую соринку.

- Постой! - Христо с удивлением почувствовал, что боль в голове прошла, а комариный писк пропал. Отшельник осторожно взял с тыльной стороны ладони Назии высохшую хвоинку.

- Быть может она разбудила меня?

- Но когда я забралась на скалу, ты не спал, - удивилась Назия. - Ты больше не похож на себя...

- Стал другим?

- Совсем другим. - Лицо прежнее, но глаза... У тебя прежде не было таких глаз.

- Я вижу как прежде, - Христо оглянулся вокруг. - Только туман затянул округу. Ты видишь то же?

- Морось, серая морось... не знаю, где я слышала такие слова...

- И у меня в голове после звона появились новые слова... Я, не я... не знаю, кем я стал...

И причина всему... эта высохшая хвоинка? - Христо осторожно держал вроде бы никчемную соринку.

- И я, - добавила Назия. - Мы не случайно встретились в этом остроге...

- Остроге?

- Так назывались эти поселения...

- Да, вспоминаю... только это было очень давно... так давно, что и не сосчитать.

- Спустимся вниз? - Предложила Назия.

- Давай подождем, когда рассеется эта...

- Морось, - подсказала девушка. - Я принесла тебе еды... Не хочешь?

- Хочу! - Христо только сейчас почувствовал сильный голод и нервно сглотнул, все еще оглядываясь по сторонам. - Вдруг внизу ничего нет?!

- Мне тоже сейчас так подумалось...

Серая морось, это точно был не туман, надежно укрывала тайгу. Даже самые высокие ели не могли пробиться сквозь нее вверх, как и звуки. Лишь вершина скалы возвышалась над пеленой. Казалось, что время остановилось. Власть мороси простиралась выше. Не было дня, не наступала ночь, сумрак царствовал вокруг.

Христо оторвал от рубахи лоскуток, завернул в него хвоинку и привязал тряпичный кокон к шнурку, на котором был и оловянный крестик. Быть может это было святотатство, но так хвоинка была в сохранности и не могла потеряться. А получалось, что эта соринка теперь дорогого стоила.

Морось не проходила, принесенную Назией еду берегли, ели помалу. Причем каждый пытался съесть поменьше, чтобы другому досталось побольше. Вершина скалы была плоской, покрыта мхом, чего обычно не бывает. Мох любит тень и сырость, но здесь он затянул скалу, превратив ее вершину в ложе, на котором можно удобно спать. Отдыхали по очереди, отмеряя время примерно, никаких видимых ориентиров его течения не было...

- Христо, вставай! - Назия разбудила отшельника.

- Что, что случилось?! - Христо тут же вскочил на ноги, как и не спал.

- Началось! - Назия показала вверх.

Только сейчас Христо заметил, что вокруг стало темнеть, а сверху начала проявляться чернота неба.

- Время сдвинулось, - прошептала Назия.

- Может оно и не останавливалось, только мы не замечали, - предположил Христо.

- Смотри, - Назия показала вверх, - звезды появились.

- Ночь, а месяца нет.

- Безлунная пора, - прошептала Назия.

Тьма набирала силу, звезды разгорались все ярче, мигали, переливаясь от желтого до синего. И вот одна сторона горизонта начала бледнеть, близилось утро. Теперь пленники скалы обратили свой взгляд вниз.

- Это уже не морось, - прошептала Назия. Она теперь говорила шепотом, быть может боясь спугнуть завершение заточения.

- Туман, - подтвердил Христо, - он оседает.

- Ели появились... мир остался прежним...

- Давай дождемся дня, - Христо был осторожнее, - тогда и подумаем, что делать дальше.

Солнце поднялось из-за не такого далекого горизонта, из-за Урал камня, разметав остатки серой пелены и ночных теней. Мир внизу действительно казался прежним, но только казался.

- Скит пропал! - Первым решилась произнести Назия, увидев под скалой давно заросшую площадку, на которой стояли дома и маленькая часовня.

- Только остатки частокола виднеются, - добавил Христо. - Надо спускаться... Наверное много времени прошло. А для нас - всего-то несколько дней.

- А скала с Богородицей так и стоит, - Назия показала в сторону горного кряжа, где на гладкой вертикальной стене староверы нашли портрет женщины, назвали цветное изображение Богородицей и ходили молиться к нему только по большим праздникам.

- Я первый спущусь, - предложил Христо, - если все спокойно, знак тебе подам... филином.

Отшельник скрылся в расщелине, идущей вниз, где была пробита в камне тропа, и скоро два раза ухнул, как и говорил. Назия последовала за ним. Картина разрушенного скита или острога, как его называла Назия, наводила смертельную тоску. Дома были не разрушены, сгнили, давно покинутые жителями. Сколько прошло времени, определить было трудно, может сто, а может и двести лет.

- На новое место ушли? - Предположила Назия.

- Нет, тут они! - Отозвался Христо, выбравшись за остатки частокола. - Все здесь, на погосте.

- Мор пошел? - Спросила Назия.

- Может и мор, - согласился отшельник, ходя между давно заросших холмиков с остатками сгнивших восьмиугольных крестов.

- Хоронил-то кто? - спросила Назия.

- Наверное кто-то последним оставался, давай поищем. - Предположил Христо. И действительно, скоро отыскалась обвалившаяся, но не засыпанная могила, где виднелись давно пожелтевшие кости. - Сил выкопать могилу хватило, а вот закопать было уже не кому. Сам в нее лег, так и умер.

- А ведь уберегло нас от верной смерти, - заметила Назия. - Мы с тобой на скале отсиделись.

- Если мор, он сам не ходит, принес кто, - предположил Христо. - Сейчас не узнаешь...

- Может странник какой проходил, - добавила Назия.

- Чужих в скит не пускали, вряд ли, - не согласился Христо. - Тут больше делать нечего.

- Давай посмотрим, может что забрать можно.

- Давай... В развалинах мора не должно быть.

Походили по развалинам, ничего конечно толком не нашли, так мелочь, правда и она могла пригодиться. Одежда давно истлела вся. Хорошо, что на скале имелся запас оружия, стрел. И котелок с едой, который захватила Назия, взбираясь на скалу, остался цел. Вещи вместе со своими хозяевами шагнули в будущее.

- К Богородице зайдем, - предложил Христо и пошел почти наугад, тропинка к горному отрогу давно заросла.

И здесь чудом оставшихся в живых ждало еще одно открытие. Богородица была на месте, никуда не делась. Правда трещина на скале стала больше, из нее росла трава. А вот рядом, где был когда-то обвал, лежали останки человека, его кости. И человек этот пытался разобрать камни.

- Он и принес мор, - заметила Назия, - и сам умер. Зачем камни ворочал, не по силам ему было.

Сдается мне, схрон там есть. Дальше не пойдем, пока здесь останемся.

Затерянная пещера в отрогах Урал камня

- Почему этот портрет называли Богородицей? - Спросил Христо.
- Может никакого другого изображения женщины староверы не знали, - предположила Назия.
- Наверное, - согласился Христо, обрывая выюн, опускавшийся сверху на картину, почти закрывший ее. - Со времен скита здесь похоже никого больше не было.
- Вокруг Богородицы, - девушка называла изображение по прежнему, как привыкла, - было еще что-то нарисовано.
- Как узор какой, - Христо достал из-за пояса рукавицу и провел ей вокруг портрета. Вниз посыпался начавший прорастать мох, принесенная ветрами пыль. - Смотри, на узоре краски проявились.
- А Богородица как была когда-то нарисована, так и есть...
- Да, - согласился Христо, - к ней ничего не пристает. Только глаза у ней потухшие, как уснула она... - и поправился, - скорее как ушла...
- Зато у тебя, Христо, глаза живые...
- Светоч я, - поправил Христо.
- Я привыкла к твоему прежнему имени...
- Зови, как удобно... не знаю точно, как все было... тем более очень давно. Но женщину эту я помню, видел... она со мной на скалу поднималась... а там... там как свет меня ослепил...
- Ослепил?
- Так показалось... ослепил, и я прозрел, - Христо вспоминал происшедшее вслух.
- Разве так бывает?
- Бывает... По глазам как острым резануло, а в голове прояснилось... Только все же это не со мной было...
- А с кем?
- С тем, со Светочем... Меня, его, - Христо все же не мог понять, кто он есть на самом деле, а может теперь в нем жили и Светоч, и он сам, - мама сюда принесла. А Люба, да эту женщину звали Любой, а ее мать Мирой... они как одно целое были... Точно! Миролюба то целое и есть, и сейчас есть... Вот она! - Христо показал на изображение женщины. - А потом... потом мама Светоча сюда еще раз приходила... Да, точно! Любу искала, только не нашла и мальчика у пещеры оставила...
- Бросила что ли?
- Смерть за ней шла, а тут Светоч все же выжить мог...
- Один? В тайге?
- Не знаю, что дальше было... надо завал разобрать, за ним схрон... может что и понятно станет.

У изображения Миролюбы, ставшей вдруг у староверов Богородицей, построили шалаш. С топором Христо не расставался, имелись кресало и кремь. Так что добыть огонь было можно. Случайно нашли и древний колодец, сложенный из камня, основательно заросший. Староверы его не использовали. Теперь новые жители из колодца брали воду для питья, заваривали в имевшемся котелке травяной чай. В этом же котелке варили зайчатину. Для Христо подстрелить стрелой зверька была не задача, а способ выживания. Вот только соли в округе не нашлось. А так жить было можно, по крайней мере до наступления зимы.

Сначала со всеми предосторожностями убрали останки человека, принесшего староверам мор. Нашли выемку в земле и начали постепенно заваливать останки камнями из завала. Работа шла медленно, порода осыпалась сверху кряжа. Крупные камни с трудом откатывали

чуть в сторону. Когда наметился проход в схрон, Христо соорудил из небольших бревен вход, и порода сверху перестала обваливаться.

Скоро нашли останки еще одного человека. Кости его почти истлели. Скорее это был мужчина, среди костей нашлись и металлические наконечники от стрел.

- Кто это? - Спросила с надеждой на ответ Назия.

- Ничего о нем не знаю. Светоч видел только Любу, или Миролюбу. Наверное этот бедолага жил здесь.

- Может это мастер, нарисовавший... портрет? - Предположила Назия.

- Может, - согласился Христо, - попробуем в схрон, узнаем.

Останки Мастера, заранее стали называть его так, похоронили отдельно и даже установили крест, самый простой - невысокий столбик с одной перекладиной.

Пещера оказалась немаленький, обжитой. Время почти не изменило внутреннее убранство. Христо подправил очаг, соорудил новые места для сна, а к бревенчатому входу приладил дверь, она вставлялась в проем изнутри. Утварь и инструменты, имевшиеся в схроне, пришлось очень кстати.

- Можно зимовать! - Объявил Христо. - Идти нам все равно некуда, да и не знаем, как там теперь, как люди живут.

- Не замерзнем? - Усомнилась Назия.

- Жили же здесь до нас, и мы проживем...

- У нас одежды теплой нет, - продолжала девушка.

- Ничего, мех добуду, на крупного зверя пойду. А ты пока из зайцев шапки мастери. К зиме управимся.

Ночами стало уже прохладно, поэтому перебрались из шалаша в схрон. Шалаш Христо предусмотрительно разобрал, что бы не привлечь случайное внимание забредших путников. До дальнего угла пещеры добрались не сразу, а когда увидели, что там было, то не так и удивились.

- Мастер! - Объявил Христо. - Он здесь жил.

- И рисовал, - добавила Назия. - А что, он нарисовал только одну женщину и узор вокруг нее?

- Вот тут что-то есть, - Христо достал из маленького закутка самодельную раму с натянутой на ней материей.

- Не видно ничего, - Назия поднесла поближе коптящую плешку с жиром, но холст так и остался черным.

- Завтра посмотрим, днем, - предложил Христо, - вынесем... картину из пещеры и посмотрим... Может что и увидим. Тут еще много разного. Как они называются... Краски?

- И кисточки, - добавила Назия, взяла одну в руку, но та рассыпалась в прах, - слишком давно это было.

- А вот тут краски были, - Христо показал на деревянные плоскости с разноцветной пылью.

Осень была пасмурной, Солнце почти не показывалось, поэтому, как новые обитатели пещеры не всматривались в холст, так ничего и не увидели. Поставили раму обратно в пещеру, в тот же дальний угол и на время забыли. Дел перед зимой было еще много.

Зима пришла сразу и вдруг. С вечера была еще осень, а утром вход в пещеру оказался завален. Христо достал притвор и начал прокапываться наружу. Получился туннель метра в три в еще пушистом, мягком снеге. Зимнюю одежду Назия успела сшить, так что можно было не бояться замерзнуть.

Дни не считали, отмечали только движение Солнца - В каком месте оно появлялось из-за Урал камня, как проходило по небу и где скрывалось за деревьями. Дни шли своей чередой, похожие один на другой. Вся жизнь отшельников была связана с выживанием. Но вот в одно

утро случилось событие, изменившее спокойное течение. У входа в пещеру сидела то ли громадная собака, то ли волчица и дожидалась обитателей пещеры.

Когда Христо отодвинул притвор и пройдя по снежному коридору вышел на свободное пространство, холодок пробежал у него по спине. За поясом был только нож, слабое оружие для такого зверя. Но животное повело себя неожиданно - легло на снег, вытянув вперед лапы и прижав уши, правда облизнулось. Только что значило это движение длинного языка и хитрый прищур глаз?

Спасение семейства волков

Конечно новые жители схрона не могли знать, что с прежним обитателем пещеры жил волк по кличке Страж. Он был большим, таких волков в природе не существовало. Поэтому старый хозяин схрона считал его больше собакой. Ну а раз собачьи стаи в лесу все же не живут, значит в нем текла и волчья кровь.

К Христо пришла сука. Она тоже была большой и если бы встала на задние лапы, то передние легли бы на плечи высокого отшельника. Масти она была не серой, не волчей, больше черной с сероватыми подпалинами на брюхе. Конечно бросаться на Христо Волчица, все же будем называть ее так, не думала. Зачем тогда приходить, лучше подкараулить где-нибудь в тайге. Но и к себе Волчица не подпускала. Христо сделал осторожный шаг к госте, та сразу вскочила и отбежала, правда уходить не стала.

- Ладно, живи, - разрешил хозяин схрона. - Как тебя звать?

В ответ Волчица жалобно заскулила.

- Да у ней щенки! - Из-за плеча Христо выглянула Назия. - Не видишь, что ли?

- Сейчас увидел, - Христо даже присел, чтобы получше рассмотреть брюхо животного.

- За помощью она пришла, зовет!

- Логово должно где-то быть, не попадалось в лесу, и следов волчьих не видел. Ладно, пойдем. - Христо вернулся в пещеру, вооружился по настоящему, всякое нужно было в тайге ожидать, захватил вяленого мяса и мороженого.

- Я с тобой! - Заявила Назия.

Волчица побежала вперед, останавливаясь и оглядываясь. Люди старались не отстать, поспешали следом. Идти в снегоступах, сплетенных из ивовых прутьев, на большие расстояния было тяжело. Логово все же нашлось, добирались до него пол дня.

- Я и не ходил никогда сюда, - заметил Христо, остановившись на краю глубокого оврага.

- Далеко, и охоты тут нет.

- Следов волчьих не видно, - Назия указала на низ оврага и крутые склоны.

А между тем Волчица обошла крутой склон, спустилась в овраг примерно до половины и начала рыть лапами снег. Но чем больше она пыталась копать, тем больше снега съезжало по склону.

- Там и есть ее логово, - понял Христо. - Зима снежная, вход завалило, ничего у ней не получается.

- Поможем, - Назия спустилась вниз по следам Волчицы, Христо за ней, и оба начали разгребать склон, начав выше лаза в логово.

Волчица уже не отбегала, Христо даже смог погладить ее, пытаясь успокоить. Шерсть была жесткая с густым зимним подшерстком. Вход в волчье логово оказался не просто узкой норой, в него мог пролезть и человек. Из открывшегося темного отверстия пахло нехорошо и не доносилось ни звука.

- Неужели опоздали?! - Предположил Христо, придерживая Волчицу.

- Я пролезу, - Назия скинула самодельную парку и начала ввинчиваться в лаз. - Тут они, живые есть! - Донеслось из логова. - Сейчас подавать буду! Двое задохнулись...

Достали пять щенков, троих удалось оживить на свежем воздухе. Волчица, вполне довольная, начала вылизывать свое спасенное потомство.

- Ты чего там?! - Крикнул в лаз Христо. - Не задохнулась?

- Сейчас вылезу, - из дыры сначала показалась рука Назии с какими-то лохмотьями.

- Это что? - Удивился Христо и вопросительно посмотрел на притихшую Волчицу. Та только заскулила, отвлеклась от щенков и прижала уши, то ли виноватая, то ли что.

Христо вытащил из логова Назию, и вместе с ней начал разглядывать полуистлевшие лохмотья. На открытом воздухе ткань и когда-то выделанная кожа давно бы превратились в пыль, а в пещере сохранились. Но лежали они в логове ой как давно. Сколько, и предположить было трудно.

- А ведь это одежонка детская, - Назия аккуратно разложила на ровном месте, очищенном от снега, обрывки из логова.

- Светоч! - Громким шепотом произнес Христо и спросил, быть может сам у себя. - Ты здесь жил?! - Никакого ответа не последовало. - Выходит волки еще тогда тебя к себе утащили!... Костей там человеческих не заметила? - Вопрос уже относился к Назие.

- На ощупь только, вроде нет... череп бы был.

- Летом надо здесь все как следует осмотреть, - решил Христо и спросил у Волчицы. - Ты с нами, или здесь останешься?

Волчица с готовностью встала на лапы и совсем по собачьи завиляла хвостом, поскуливая при этом.

- Значит с нами. - Понял Христо и засунул двух волчат за пазуху. Третьего взяла Назия. - Опасно здесь оставаться, опять завалит. Уж очень зима нынче снежная.

В человеческой пещере Волчица, имя ей так и не дали, жить конечно не захотела, все же была дикой. Христо соорудил звериному семейству деревянный домик, пристроив его к скале недалеко от входа в схрон. Домик был тут же занесен снегом, лаз прочищали постоянно. И волкам их новое жилище очень нравилось. Нравилось и тем, что скоро они перешли на мясо, а люди подкармливали их. Может так делать и не надо было, но прежде всего Назия жалела подрастающих волчат. Они теперь бегали за девушкой, путаясь у нее под ногами, а ей только нравилась и забота о живых существах, и их настоящая привязанность.

Когда к середине мая в логу, где была старая волчья нора, сошел снег. Христо ходил туда еще раз и к своей радости нашел на дне оврага подобие землянки, конечно давно обрушившейся. Может конечно отшельник и успокоил себя, но решил, что здесь и жил подросток Светоч, выкормленный волчьей стаей. А Светоч между тем внутри Христо то ли молчал, то ли вообще пропал - не подавал никаких признаков своего присутствия.

Заблудшая душа

Зиму Христо и Назия прожили нормально. Ничего существенного, поворотного в однообразном таежном существовании не происходило. Хотя каждый день в лесу, это не день в городе, да еще в теплой квартире. Правда и к выживанию, к постоянной борьбе за жизнь люди тоже привыкают, риск становится обычной рутинной.

Первое значимое событие произошло в конце апреля, когда год повернул на лето. Морозов больше не было, только ночью температура падала до небольшого минуса. Снег осел, на открытых местах образовался наст, по которому можно было рано утром даже пройти не проваливаясь. И вот Волчица, она так и жила с людьми без имени, решила уйти и увести щенков, хорошо подросших за зиму.

Нельзя сказать, что она думала, как ей быть дальше. Просто звериное чутье подсказало - нельзя растить щенков у людей, которые подкармливали выводок. Волчица, хотя и была похожа на собаку, по своей сути оставалась зверем и лесным жителем. Щенки должны были стать такими же, надеяться только на себя, охотиться и выживать. Люди так и не стали хозяевами волчьего выводка, и честно говоря, надежды на них не было, в любой момент могли исчезнуть, уйти по своим непонятным делам.

Волчица выбрала глухую ночь, вылезла из будки, построенной Христо, и потянула носом воздух - пора уходить. Щенкам ничего не нужно было объяснять, поняли, мать уходит, и они должны следовать за ней. Так и канули волки в тайге, конечно не пропали, а начали жить обычной звериной жизнью, пусть и более трудной. Забегая вперед, можно добавить. К ним позже прибилась матерый одноглазый волчара с оборванным левым ухом. Он стал вожаком, и скоро волчица принесла очередной помет. Стая начала разрастаться.

Уход Волчицы со щенками Христо воспринял как должное, а Назия расстроилась. Полюбила девушка щенков, путающихся под ногами. Но делать было нечего, надо было жить уже другой жизнью. Правда эта другая жизнь не очень получалась. Если с волками Назия разговаривала, то с Христо они больше молчали. Не о чем было говорить. День, да и ночь были известны заранее до мелочей. А что говорить об известном, нечего.

Вообще-то Назия отметила про себя, что Христо, которого девушка воспринимала как своего отца, день ото дня становился не только более молчаливым, а и хмурым. Причем никак не говорил о своем настроении. И тут произошло следующее событие, более значимое, чем уход волков.

Как-то ночью Назия проснулась от прикосновения к своей руке. Девушка спала конечно отдельно, за импровизированной загородкой.

- Случилось что? - Спросила Назия Христо, вдруг пришедшего к ней. Такого раньше никогда не случалось.

- Нет, ничего! - Христо ответил шепотом, но как-то нервно. Оказывается он сидел рядом с девушкой и отдернул руку, услышав ее голос. - Показалось... - Отшельник опять же резко поднялся на ноги и вышел из пещеры.

Назия не заснула до утра, поняла, с Христо что-то произошло. И пришел он к ней ночью для вполне понятной цели, о которой и речи не могло быть, конечно с точки зрения девушки. Остатки ночи Христо просидел у входа в пещеру, видимо боясь вернуться, так и не владея собой.

- Что с тобой? - Спокойно спросила Назия утром, приступив к своей обычной работе.

- Не спрашивай, - чуть погодя ответил Христо. - Оставайся здесь, а я переберусь в волчий овраг, построю новый шалаш, спать буду там, а днем приходить сюда.

- Как знаешь, - ответила Назия, не понимая отчасти такой вынужденной меры. Но и спросить не посмела. Девушка боялась оставаться одна ночью, но почувствовала, другого выхода не

было. Этой ночью Христо взял ее за руку, потом испугался, как проснулся, хотя и не спал вовсе. А если бы не проснулся, не пришел в себя? Могло случиться непоправимое. Назия поняла и то, что не смогла бы дать отпор. Ее воспитали послушной и покорой мужчине. - Жаль волки ушли... все бы не одна.

Ближе к вечеру Христо собрался и ушел, так и не сказав ничего. А Назия поставила притвор ко входу в пещеру и придавила его изнутри камнями побольше. Какая никакая, а все защита.

Волчье логово, из которого зимой спасли волчат, оставалось пустым, звери ушли подальше от людей. Христо на дне оврага в укромном месте построил шалаш, соорудил рядом очаг и всю ночь поддерживал огонь, боясь заснуть, понимая, так долго продолжаться не может. Можно было конечно спать днем, не спать ночью, только вряд ли бы получилось.

Спать ночью Христо теперь боялся. И вот в чем тут была причина. Светоч появился в сознании Христо зимой несколько раз, потом пропал, все было хорошо. Две личности в одном теле не могли ужиться мирно, слишком разными они были. Христо, кем он изначально был, родился на Урале, но его родители пришли в эти места с далеких Балкан. Зачем? Кто знает, данное повествование об этом умалчивает. Наоборот, не одно поколение предков Светоча жило около Урал камня, на его западных отрогах.

Наверное разные корни сформировали разные характеры. Но как-то бы это улеглось, можно было жить и с тем, и с другим. Причина была совсем в другом - в отношении Христо и Светоча к Назии. Отцовские чувства вступали в противоречие с чувствами молодого парня. Две личности поделили одно тело. Причем днем Христо был по прежнему Христо, отшельником. А ночью Светоч оттеснял его, молодые эмоции брали верх.

Христо сбежал из пещеры, причем сделал это днем, и теперь боялся, что с наступлением ночи Светоч возьмет верх над ним. Так и получилось в ту ночь. Только невероятными усилиями Христо смог отодвинуть Светоча и не дать второй личности совершить непоправимое!

- Не спать, не спать! - Христо сидел у очага перед шалашом и твердил это слово. - Завтра расскажу Назии о том, что со мной происходит. - Для верности Христо вбил у шалаша заостренное бревнышко и привязал себя к нему веревкой на хитрый узел, неизвестный Светочу. Хотя при желании веревку можно было и перерезать.

Так прошло дней пять. Христо похудел, осунулся, охота ему не удавалась, запасы еды подходили к концу. Но отшельник никак не мог решиться на разговор с Назией. Когда-то на вершине скалы Христо пытался объяснить девушке свое новое состояние, только это у него не получилось. И вот теперь с чего было начать...

- Ты хочешь меня? - Вдруг спросила Назия вечером, когда Христо уже собрался уходить на ночь.

- Не я, - ответил Христо, обрадовавшись, что девушка сама начала сложный разговор, - тот другой. - Отшельник теперь боялся даже имя произносить второй личности, пробуждавшейся вечером.

- Светоч, - в задумчивости сказала Назия, причем в ее устах имя прозвучало не так и плохо, чуть ли не мечтательно. - У нас с ним ничего не получится...

- Конечно не получится! - Возмущенно подтвердил Христо. - Ведь он, это я!

- Не в этом дело, - добавила девушка, всматриваясь в глубины своей души, только сначала ничего не добавила. - Лучше я уйду от вас. - Продолжение фразы оказалось неожиданным.

Христо сначала хотел возразить, даже вздохнул, набрав воздуха для решительного отказа, но промолчал, понимая, что Назия права. Не спать каждую ночь было невозможно.

На следующее утро Христо вернулся к схрону и понял, что Назия ушла навсегда. Он Было хотел броситься за ней, мог догнать, но переборол себя и вернулся на прежнее место, сел у очага. Разжег огонь, повесил котелок, дождался, когда вода закипит, и заварил душистый травяной чай, успокаивающий.

Наверное Назия все равно ушла бы к людям. Ей не нравилась прежняя жизнь в скиту у староверов, не нравилось жить в пещере. Какое-то время ее существование скрашивали волки, особенно щенки, но и их не стало. Назия прошла мимо истлевшего скита и направилась к реке, по которой когда-то плыли караваны за Урал камень. Дорогу к реке девушка знала, они ходили в ту сторону вместе с Христо. Вот только прежнего острога там уже не было, зато вдоль обмелевшей реки проходила наезженная дорога. В прежние, давно ушедшие времена, ее не было. Назия раздумывала недолго, повернула налево и пошла на восток за Урал камень.

А Христо почувствовал себя свободным. Пищи добывать теперь можно было меньше. К тому же отшельник почувствовал себя настоящим отшельником, кем он был еще до встречи со староверами. К тому же Христо вдруг вспомнил о черном рисунке в раме, на котором не видно было изображения. Нашел его в дальнем углу пещеры и вынес наружу, подставив, под солнечные лучи, перевалившего во вторую половину дня.

Христо и сам не понимал, зачем это сделал, но сел перед картиной, черной, с болотными отсветами, и стал смотреть на самодельное полотно, по которому перемещались лучи заходящего Солнца. Сначала на картине проявился лик старца, вроде даже сдвинулся в сторону, и его место заняла женщина. Если в старце не было знакомых черт, то женщина показалась неуловимо знакомой. Только на кого она была похожа, Христо так и не понял.

Светоч перестал приходить к Христо ночами, отшельник теперь мог жить спокойно. Но блуждающая душа, возникнув из ниоткуда, ушла вслед за Назией, понравившейся девушкой. Ушла конечно не сама. Назия, остановившаяся на ночлег у реки, проснулась ночью в страхе, почувствовав себя вдруг собой и Светочем одновременно.

Слухи о чудодейственной иконе

Дальнейшая судьба Назии канула в лету. Можно только предположить, как непросто ей было приспособиваться к жизни среди людей, если девушка все же дошла до какого-нибудь поселения. Ведь она всю свою жизнь прожила в скиту у староверов. К тому же не стоит забывать, что кроме ее собственной женской личности, в ней поселилась и другая, причем мужская. Как уживались они, можно только предполагать. И это тема для отдельного серьезного исследования. Данное повествование совсем о другом, и мы, уважаемый читатель, двинемся дальше по основной линии рассказа.

Христо почувствовал облегчение, оставшись один. Так жить было намного проще, тем более и личность Светоча оставила его, перейдя в Назию. Хотя отшельник доподлинно не мог знать, куда пропал Светоч, просыпавшийся в ночное время. Сначала Христо опасался появления чужого сознания, часто просыпался ночью и прислушивался к себе. А потом успокоился, решил, что Светоч все же исчез.

Христо охотился и лето прожил хорошо. В солнечные дни выносил картину из пещеры и мог часами сидеть перед ней, пытаясь разглядеть и старца, и женщину. Однако увидеть изображения получалось редко. Сначала отшельник объяснял это облачностью, положением Солнца на небе. Так до полудня лики вообще не показывались. А потом перестал задумываться о такой странности и просто находился перед холстом, стараясь не моргать.

Старец показывался чаще, женщина реже. И в этом можно было пытаться угадать какую-то закономерность. Но надо ли было. Христо смотрел на картину и чаще видел свою простую жизнь в лесу. Может сцены из охоты и не показывались на холсте, а лишь возникали в голове охотника. На самом деле это было не так и важно.

Назия ушла из жизни Христо и скоро забылась, как и Волчица с выводком. Да и более далекие события не оставались в памяти. А повседневная жизнь помнилась на несколько дней назад и все. С приходом в сознание Светоча, Христо сначала казалось, что это и есть воспоминания о его прежней жизни. Но исчез Светоч, стерлась и память. Староверы подобрали Христо в тайге именно в таком состоянии.

Отшельник был приспособлен для жизни в лесу, многое знал, умел, но все делалось им не задумываясь, так наверное поступали и звери, только еще проще. Христо знал свое имя, и назвался им, ответив на вопрос староверов. И наверное в скиту не было лучшего чем отшельник охотника. На скалу отшельник больше не забирался, даже обходил место, где раньше располагался скит староверов стороной. И конечно не задумывался над причиной, действуя опять же инстинктивно.

Самым простым объяснением опять же мог быть чисто животный страх перед возможными изменениями. Последний подъем на скалу перенес Христо и Назию в будущее. Об этом они догадались по уже вымершему и разрушенному скиту староверов. Наверное и слова-то такого, как будущее, лесные жители не знали, поняли интуитивно. И сейчас Христо обходил скалу, не помня произошедшего. А кто мог знать, какими могли быть новые изменения, вдруг жизнь сделалась бы хуже. Например пропало зверье, не стало источника пропитания. От добра добра не ищут, так кажется говорили испокон веков.

Так и прожил Христо остаток своей жизни, а он был дан ему отнюдь не коротким, а вполне приличным даже по современным меркам. В последний день на картине отшельнику явились оба лика по очереди и предупредили, что его земной путь заканчивается. Голова его прояснилась, Христо вдруг вспомнил не только кто он есть на самом деле, но даже вся его длинная жизнь, скудная на события во второй своей половине, пронеслась мимо.

Отшельник облегченно вздохнул, убрал картину в пещеру, прибрал вещи, навел порядок и лег на свое обычное место. Уснул счастливый, с улыбкой на губах, зная наконец свое предназначение и радуясь тому, что исполнил его как требовалось.

История жизни Христо также заслуживает пристального внимания, связана с войнами на Балканах, османским игом и так далее. Но, уважаемый читатель, и мимо нее мы пройдем дальше, приближаясь к нашей, уже современной эпохе.

К началу двадцатого века Уральский край добывал соль, всюду дымил заводами, производил металл и много еще чего, что можно было из него сделать. Уральские горы оказались настоящей кладью полезных ископаемых, драгоценных металлов и камней. Правда заселялся он медленно, слишком пространства были большими. И затеряться в тайге можно было по-прежнему, как и двести, триста лет назад.

Поселение, о котором шла речь в первых главах повествования, так и не было возрождено, появились другие. Ближайшее, Колучино, находилось от пещеры отшельника километрах в тридцати, по таежным меркам всего ничего. Деревня Колучино была небольшой, жили здесь больше сельским хозяйством, охота, как промысел, ушла уже в далекое прошлое.

В деревне имелась деревянная церковь с высоким круглым куполом, единственная на всю округу. По праздникам в Колучино съезжались из окрестных поселений, хуторов. Одно время здесь даже существовал мужской монастырь. Монахи не только занимались своим хозяйством и служением Богу, но и странствовали по обширному краю, неся слово Божие людям. Трудно и даже опасна была такая стезя.

В Колучино пришел монах Паисий, был он тем самым странствующим, на одном месте ему не сиделось. Как уж он нес слово Божие трудно сказать, но говорить умел, любил посидеть в трактире за кружкой чего-нибудь хмельного. И обладал немаловажным даром - умел слушать людей и вовремя поддакивать. Это порой даже важнее, чем говорить самому. Чего только он не услышал за свою жизнь, каких только историй не записал. Паисий был грамотным, закончил четыре класса церковно-приходской школы.

В Колучино Паисий задержался, Уральский край был ему интересен, а рабочие руки в монастыре всегда требовались. Здесь же монах познакомился с Васькой плотником. Так неуважительно звали в общем-то хорошего мужика, мастера на все руки. Паисий проводил с ним много времени, был подручным, а Васька оказался знатным рассказчиком.

Началось все с деревенских сплетен. Плотник умел придать любому пустяку особенный колорит, а в лице Паисия нашел нового внимательного слушателя. Своим-то деревенским Васька давно надоел пустячной болтовней. Паисий, придерживая какую-нибудь доску, поддакивал, и такое одобрение только еще больше раззадоривало плотника. Но новостей в деревне случалось не так и много, а обсуждать, как Фекла прищемила коту хвост дверью, тоже надоело.

Вот тут Паисий и услышал обрывочные сведения о прошлых временах. Так или иначе жители рассказывали из поколения в поколение, что происходило на земле Уральской в ближайших окрестностях. Много конечно давно стерлось из памяти, забылось, просто не дошло, так - как было неизвестно никому. Но Паисий, в общем-то исследователь истории, сумел уловить главное. В окрестностях Колучино, а тридцать километров и есть окрестности, есть бесовское место, и там творятся разные темные дела. Даже когда-то был скит старообрядческий, но в нем все жители разом померли. Убежала только маленькая девочка, басурманка...

- Как же у староверов басурманка жила - удивился Паисий, подливая Ваське бражки. Разговор продолжался в деревенском трактире.

- А кто ж знает, - похоже и сам Васька удивился, - говорят же жила, значит жила... Ты главное не перебивай, слушай...

- Слушаю, слушаю, - повинулся монах, - говори дальше.

- Басурманка та, как от староверов убежала, в наших же краях прижилась, замуж вышла...

- Постой, - Паисий опять не стерпел. - Замуж вышла?!

- Так она крещеная была! - Засмеялся Васька. - Веру сменила! Понимать надо! Люди говорили, одно время тут много черноглазенький детворы бегало. Это сейчас перемешались. Не поймешь, кто русский, кто татарин... Вместе живем.

Разговор этот продолжался не день, не два, а много дней. Много интересного монах услышал и от других жителей Колучино, и от приезжающих в лавки, в церковь из маленьких деревень и хуторов. Паисию торопиться было не куда. Лето заканчивалось, а уходить в зиму не хотелось. Монах разжился в монастыре бумагой, чернилами и принялся за изложение всего услышанного, пока оно было свежо в памяти.

А слух о монахе, пишущем историю края, пошел дальше. И потянулись в монастырь люди разные, кто что знал и кто не знал. Были и паломники. Паисию уже чуть ли не приписывали разные способности. Вроде как людей лечит. А кто первым пустил слух, что в Колучино появилась чудодейственная икона Николая Чудотворца, конечно никто не мог знать. Как говорится, земля слухами живет и полнится. Никакой иконы в то время в монастыре еще не было.

Прошла зима, просохли дороги, сошли коренные снега в лесах, и Паисий отправился на поиски иконы, которую и в глаза никто не видел. Он и сам не знал, верил в нее или нет. Может просто засиделся на месте, а дорога звала дальше в путь.

Разговор у костра с человеком из прошлого

Недаром земля Пермская называется еще Прикамьем. Кама протекает через весь край, собирая многочисленные притоки, в том числе берущие начало и стекающие по западному склону Уральского хребта. Давно посчитано, что в месте слияния Камы и Волги, первая река несет гораздо больше воды. Получается так, что Волга впадает в Каму, а Кама в Каспийское море. Однако исторически сложилось наоборот. И не будем спорить с устоявшимся не фактом, а мнением.

Обширный край, часть Западного Урала, так и называется Прикамьем. Все населенные пункты и города как правило возводились на реках, впадающих в Каму, главную водную транспортную артерию. Сейчас река конечно утратила свое бывшее значение. Железная дорога и автомобильная стали более важными. Основная часть грузов перевозится по ним. Ну, это так, маленькое отступление от сюжета.

Одним из притоков Камы является красавица Вишера, а в нее в свою очередь впадает река Вел. Обе эти реки берут свое начало в отрогах Урал камня. Так когда-то называли Уральские горы. Между этими реками, на менее значительной речушке Сырка, автор и расположил деревню Колучино. Да простят его за это дотошные краеведы. Сырка когда-то была более полноводной. По ней и плыли караваны за Урал камень. Правда была в этом путешествии одна тонкость - Через водораздел на восточный склон струги перетаскивали по суше.

Монах Паисий вышел из Колучино рано поутру налегке. В заплечной торбе у него был припасен каравай хлеба, морковь и репа. А к торбе привязан котелок. Так можно конечно путешествовать, только недалеко и недолго. На что и рассчитывал Паисий, по всем рассказам до острога, тоже стоявшего когда-то на Сырке, было от силы верст тридцать. Оружия у монаха никакого не было, а нож на поясе предназначался для разных хозяйственных нужд, например отрезать ломоть от каравая, или овощи почистить. Огонь Паисий разводить умел, были у него приспособы. Так что вскипятить отвар с какой-нибудь травкой мог. Правда лето только началось, выбор растений небольшой, но в тряпице имелся засушенный зверобой.

За деревней сразу начинался глухой лес, а Сырка петляла. Идти по ее берегу не получалось, поэтому монах выбирал участки менее заросшие и вроде как пытался спрямить путь. Сначала получалось так, как Паисий и задумал. Только шел он уже долго, день давно перевалил на вторую половину. Однако развалин острога, построенного в незапамятные времена по правому берегу Сырки, все не было. Сначала монах не беспокоился. Никто из местных жителей не смог точно указать расстояние, больше говорили о дне пути. Однако когда начало темнеть, остановился, понял - что-то не так.

Ночевать в лесу Паисию приходилось. Случались переходы между поселениями длинными. Поэтому монах выбрал место на небольшой полянке, развел костерок, а за водой сходил к Сырке, делавшей в этом месте большую петлю. Пока вода закипала в котелке, пока заваривался травяной чай, Паисий отрезал горбушку от каравая, круто посолил ее и умял за милую душу. Морковь пока трогать не стал, почистил и закусил репой. Вот и все, не то, что сытно, зато не голодно.

Пока суть, да дело, стемнело окончательно, небо выяснило, замерцали звезды. А круг от костра сузился, темень подступила чуть ли не вплотную.

- Чайком балуешься? - Голос прозвучал из темноты слева неожиданно.

- Составь компанию, - Паисий сначала от неожиданности вздрогнул, но тут же нашелся, что ответить, а про себя подумал, - чему быть, тому не миновать, - и добавил, - хлебца свежего не хочешь?

- Попробую, что за хлеб у тебя, - согласился голос, и в круг света вышел бородатый человек, одетый не как деревенский мужик. Вернее сказать, сейчас так не одевались. Домотканая

рубаша была подпоясана веревкой. Такие же штаны обмотаны онучами. Одевание незнакомца дополняли лапти, на голове имелась шапка, как ведёрко. В правой руке незнакомец держал палку, не палку, может и посох.

- Звать-то тебя как? - Спросил монах.

- Райда, - ответил новый знакомец и устроился напротив через костер.

- Редкое имя, - Паисий покачал головой, стараясь ничему не удивляться. - А меня Паисий. Держи, - монах отрезал от каравая хороший ломоть и протянул бородачу справа от пламени.

Райда же протянул руку напрямую, чуть ли не через огонь, как и не замечая его. Рука не обожглась, но это еще ладно. Широкий рукав рубашки не загорелся! Бородач, в отличие от монаха, как и не заметил такого несоответствия, понюхал хлеб, уважительно покачал головой и с аппетитом начал есть.

- Чаек-то из котелка придется, - добавил Паисий, - подожди, пусть остынет, - и сдвинул посудину на край перекладки, где огня не было.

- Подожду, - согласился бородач, - а то прям крутой кипяток!

И этого монах не понял - огня не заметил, а кипятка испугался.

- Смотрю, по одежде ты вроде как божий человек? - Неуверенно спросил бородач.

- Все мы под Богом ходим, - уклончиво ответил Паисий. - Я больше по Земле матушке брожу...

- А зачем? - Удивился Райда.

- Интересно мне все! - Монах нашелся, чем ответить, - а тут в Колучино много чего про здешние места услышал.

Бородач промолчал, но в глазах его был интерес не интерес, а как свет какой. Может и пламя костра так отражалось в веселом прищуре. Райда вроде посмеивался над собеседником. Паисия это нисколько не смутило, и он продолжил дальше:

- Сказывают, острог тут раньше на Сырке был, вот до него и решил податься.

- Стоял такой городишко, - подтвердил бородач, - да гордыня человеческая на нет его свела...

Теперь Паисий с интересом ждал, и Райда продолжил:

- Купцов данью обложили, за проход по реке золотом заставили платить, стражу выставили, вот и поплатились... Басурмане пожгли острог тот, да и людишек перебили, а кого в полон забрали... Но сдастся мне не до острога ты друже идешь...

- Прав ты, - согласился монах, скрывать ему было нечего и он продолжил, - сказывали еще староверы в эту сторону ушли, скит построили... а потом про них ни слуху, ни духу...

- Было дело, - согласился бородач, - а тебе что до них?

- Так божьи все же люди, интересно, что с ними стало...

- Странные вы все же... людишки, - Райда, замаявшись, так назвал род человеческий, тем самым отделяя себя, и подождал ответа монаха.

- Пей чаек-то, - Паисий вроде и не заметил пренебрежения, - поостыл наверное.

- И то, - бородач снял котелок и мелкими глотками начал пить душистый отвар, похвалил. - Знатный.

- Зверобой...

- Вроде не время еще.

- Так с того года, в монастыре его много засушено.

- Монастырь построили? - Поинтересовался Райда. - В мое время не было таких... проще жили.

Паисий хотел спросить о каком времени говорит бородач, да не стал, не зачем. Вопрос мог дорогого стоить. Только пояснил:

- Вроде как община для божьих людей, место, где можно голову приклонить, Богу молиться...

- Вам виднее, - вроде согласился Райда, но вдруг заметил, наверное имея ввиду староверов. - Только какая разница, как Богу молиться, какие слова говорить, на каком языке... не пойму. - Бородач из котелка отпил прилично и передал его монаху. - Прости уж меня, хорош отвар.

- Пей на здоровье, еще заварю. - Паисий взял котелок, отпил немного и повесил его на перекладину поближе к огню, чтобы чаек не остывал.

- Жили здесь такие, - продолжил Райда о староверах, - да мор меж них прошел, померли...

- Вроде как басурманка меж них жила, беду навела и сбежала...

- Пустое болтают, не верь, - усмехнулся бородач и вдруг спросил, - а пожевать у тебя еще ничего нет?

- Как нет! - Искренно обрадовался Паисий, доставая каравай, морковь и репу. - Что хочешь?

- Морковкой обойдусь, - выбрал бородач.

- Не мытая она только, - заметил монах.

- Это ничего! - Райда обтер морковку руками и аппетитно захрустел. - Сладкая... Вроде лето только началось, а у тебя и морковь, и репа...

- Так монахи рано сажают, в парниках на навозе...

- Чудно, - удивился бородач.

- Ты вот мне что подскажи, если знаешь конечно...

- Спрашивай, до утра время есть...

- Про мор у староверов одно, а сказывали еще, жили они в бесовском месте.

- Как не назови, а все не так, - в который раз усмехнулся Райда. - Сам человек такое придумывает. Все что есть на земле, все от Бога! - Бородач посмотрел в звездное небо. - А что непонятно, значит рано знать, не дорос еще человеке... Так отвечу.

- До этого места хочу дойти... на себе проверить...

- Не боишься?

- Боюсь, как не боюсь... вот и с тобой разговариваем, тоже боюсь...

- Меня что ли? - На этот раз бородач спросил без усмешки, серьезно.

- Сдается мне, не спроста ты здесь взялся, не вдруг... И вещичек у тебя никаких...

- Правильно говоришь, без опаски жить нельзя. А про меня угадал... Вроде стража я здесь... за порядком слежу.

- И как, соблюдают порядок-то?

- Разный люд бывает, по разному и получается...

- Слушаются тебя?

- А если не слушаются, есть у меня и помощник, - Райда посмотрел в сторону, - Страж его и кличут.

Паисий осторожно проследил за взглядом бородача и увидел в темноте два красных мерцающих глаза, за ними угадывалось большое животное, но не испугался:

- Угостить-то его нечем... Хлеб не будет?

- Он сам по себе, так что не думай... А до места этого сходи...

- Как найти его?

- Скалу посреди тайги издалеко увидишь, к ней и правь, там это место... А уж дальше... как Бог даст. Тут никто тебе больше не помощник.

- Про икону еще чудодейственную сказывали, - Паисий заторопился, небо на востоке начало светлеть. - В Колучино уже паломники потянулись...

- Ну что ж, даст Господь всемогущий, и икону найдешь. Может и ее время настало... Хотя, когда я ее... - Райда вдруг замолчал и продолжил о другом. - Только сразу скажу, не по той дорожке человеке пошел, в сторону от Бога, а не к нему. Не писаным картинкам надо поклоняться, и не плодить святых, возводя в них людей...

- А как же Сын Божий?
- Для того он и приходил, да услышан не был... Свои грехи на него человеке записал...
- Второго пришествия ждут...
- А если и будет... Как первого распяли, так и второго...

Молчали Райда и Паисий, допили чаек. Небо на востоке разгоралось все больше. Мерцающие глаза Стража погасли, засобирались и Райда.

- Пора мне, - бородач поднялся, костер догорал, но и ночная тьма отступала. - Не по той речке ты ушел, по притоку... - Подсказал на прощание Райда и зашагал к лесу.

- Спасибо! - Успел крикнуть в догонку Паисий.

Не за что! - Раздалось в ответ, но вроде как уже совсем другим голосом.

Ночное наваждение

Паисий проснулся, когда вокруг было уже светло. Мало того, уже и утро закончилось, день вступил в свои светлые права. Монах поднялся с лапника, на котором лежал, потянулся и огляделся - понял, что не помнит как и когда заснул. Костер давно прогорел, лишь слабый дымок поднимался от еще тлеющих угольев. И только тут припомнились события прошедшей ночи!

- Райда, - шепотом произнес имя нового знакомого Паисий и оглянулся. На поляне никого уже не было. А котелок с чайком из зверобоя висел не с краю перекладки, а прямо над костром. - Котелок-то ополовинен, - недоумевал монах, - мы же отвар весь выпили!

Паисий снял с палки чай, он был еще теплым, и сделал несколько судорожных глотков. Вкус отвара был обычным, хорошо настоявшимся за ночь. И только сейчас монах увидел с другой стороны кострища бревнышко, на котором и сидел ночной гость. Удивило не оно а совсем другое - на нем лежал отрезанный от караваев ломоть хлеба и морковь.

- Он же съел и хлеб, хвалил его, и морковь. Чаек ему понравился... Выходит, выходит ничего он не ел и не пил! Так, что ли?! Выходит так... А может мне все привиделось во сне, - рассуждал Паисий. - Чудно как-то. - Монах вспомнил еще и о страже, посмотрел в ту сторону, где светились в темноте глаза, слева от костра. Прошел в ту сторону, трава оказалась не прижатой. - Выходит и стража здесь никакого не было? Так что, выходит мне приснилось все...

Паисий вернулся к кострищу, решил повременить с уходом, подбросил сушняка и раздул огонь. Пламя весело затрещало на прутиках, приятно запахло дымком и стало не так жутковато. Монах посолил кусок хлеба, найденный на бревнышке, съел его, не чувствуя вкуса, и принялся грызть морковь. Тут и чай в котелке подогрелся, с отваром стало совсем хорошо, и Паисий даже ухмыльнулся, - Привидится же такое! Вот только куда мне дальше идти? Где скит? Похоже заблудился я!

И только Паисий подумал о своем сложном положении, как в памяти круговертью начал раскрываться разговор с ночным гостем:

- Выходит был все же Райда! - Прошептал монах. - И дорогу подсказал... Не по Сырке я поднялся, а влево по ее притоку ушел. - А дальше вспоминалось больше. - Много чего он мне еще сказал! И про людей, и про веру, да и про иконы... Вот только не знаю, согласиться ли с бородачом? Нет, сидеть больше нельзя, дальше поспешать надо!

Паисий допил чаек, затоптал костер, закинул сидор за спину и пошел обратно по своим же следам. Оказывается от места, где в Сырку впадал приток, монах ушел не так и далеко. Приток в месте соединения с рекой был глубоким, чуть ли не по грудь. Но, боясь еще раз заблудиться, Паисий перешел его вброд и промокнув так и пошел дальше, держась правого берега Сырки. Теперь разговор с бородачом словно гнал его вперед, не давая остановиться.

От древнего острога за прошедшие века ничего не осталось, только пустошь. Почему-то деревья не спешили занимать освободившееся место. А Сырка обмелела, изменила русло и ушла в сторону, делая большую петлю, как-будто противясь жадным жителям, бравшим дань с проплывавших мимо караванов, да и с простого люда. То, что здесь и стоял острог, а потом и городок у реки, Паисий понял по развалинам каменной башни, возведённой когда-то у самой реки. Теперь была это вовсе и не башня, а груда обтесаного камня, лишь напоминавшего о пребывании в этом месте человека. Именно о пребывании, а не жительстве в историческом масштабе.

Паисий взобрался на камни и огляделся.

- Точно, вот она! - Монах увидел скалу, поднимающуюся над тайгой в нескольких верстах к северу. - О ней Райда говорил, да другой и нет тут!

Перед тем, как пойти дальше, Паисий обрезал ножом свою долгополую рясу. Действо это было для монаха непростым, но вынужденным. Оправдывал Паисий себя тем, что ряса уже поистрепалась, да и порвалась, цепляясь за ветки. Да что говорить, пробираться вдоль реки, да и по лесу в ней было очень неудобно, подол то и дело цеплялся за сучки. Теперь монах был уже и не монахом. Из рясы получился кафтан, подвязанный веревкой. Теперь только шапочка напоминала о его сане.

Паисий запомнил направление и вступил в лес, из которого скалу не было видно. Можно было опять заблудиться, только монах, стараясь не думать, шел и шел вперед, не останавливаясь. Верил, Райда не даст пропасть.

Скит староверов был построен в более позднее время, поэтому от домов, а особенно от частокола, огораживающего поселение, что-то еще осталось. Только на развалинах разрослась крапива в перемешку с лебедой. Паисий прошел и через погост, расположенный за частоколом. Холмики давно сравнялись с землей, а восьмиугольные кресты все еще стояли. Часовня в центре скита держалась каким-то чудом. Только монах побоялся заходить внутрь, казалось, крыша вот, вот рухнет.

Скала оказалась тут же, отгораживала скит от оврага, остатки частокола упирались в нее с двух сторон. У скалы было как-то покойней. Паисий наломал лапника, постелил его в небольшой нише и улегся спать. К этому времени окончательно стемнело. Монах развел перед нишей костер, закусил хлебом и репой. Можно было спать. Подъем наверх, а Паисий уже знал, что на скалу надо подняться, он наметил на утро.

Монах проснулся еще до рассвета и с трудом нашел тропинку наверх, она давно заросла мхом. А подняться на скалу надо было обязательно до восхода Солнца, и на вершине встретить его первый луч, пробившийся из-за Урал камня. Почему так, Паисий и сам не знал, только его действиями как руководил кто.

- Может Райда? - Подумал монах, но потом вспомнил слова ночного гостя "тут никто тебе больше не помощник" и не то, что успокоился, наверное больше смирился, - будь что будет!

Площадка наверху скалы была ровной, с выемками, покрыта мягким мхом. Солнце не торопилось, а быть может наоборот, Паисий поднялся слишком рано. Звезд на темном небе видно не было, облака закрыли их нестойкое мерцание.

- Может и Солнца луч не пробьётся через небесную хмарь, - прошептал Паисий, удивляясь себе. Раньше он так никогда не говорил.

И правда, начало светать, но утро было хмурым и серым. Казалось важный миг упущен. Только и в этот раз случилось маленькое чудо. Над Урал камнем облака сдвинулись, и в образовавшееся отверстие, крохотное, как игольное ушко, пробился лучик! Он и сам был тоньше вязальной спицы, но попал точно на лицо Паисия. И от этого лучика монаха охватила благодать, которой он никогда не испытывал раньше. Рука сама потянулась, чтобы наложить крестное знамение, только бессильно упала вниз, а Паисий осел на мягкий мох, и глаза его закрылись.

Взять грехи умершего

Паисий не проснулся, а почувствовал, что он есть, а живой или нет, показалось совсем неважным. В голове, а значит она все же была, тукало, совсем не больно, даже приятно. Может от этого туканья монах и очнулся, следовало приходиться в себя, да и возвращаться к жизни. Заколело в кончиках пальцев на руках, потом и на ногах. Тело постепенно оживало. Спина почувствовала холодок, идущий от скалы даже через мягкий мох. Глаза открылись, но уперлись в серый сумрак, он постепенно густел переходя в темноту.

- Вечер, - подумал монах и попробовал пошевелиться. Получилось! Тогда Паисий оперся руками о скалу и сел, потом встал на ноги. Голова кружилась, быть может от высоты. - Так что, выходит я пролежал целый день? А может и больше?

В животе заурчало, но не от голода, и неприятный холодок даже вызвал спазм. Паисий все же овладел собой и оглянулся. Тайга тонула в сумраке, но ночь только подступала. И вдруг монах заметил огонек на востоке, в отрогах Урал камня, - костер что ли там горит! А если костер, то и человек должен быть, а может и не один! Так и луч Солнца меня по глазам резанул с той стороны, как раз между двумя вершинами! Идти туда надо, нечего утра ждать. И не для меня ли тот костер горит?

Последнее предположение было чересчур невероятным, но монах почему-то принял его как должное, на ощупь, боясь сорваться, спустился со скалы, подобрал сидор и зашагал в направлении огонька. До костра, если это горел костер, было далековато, но мерцающий свет каким-то чудом пробивался через густой лес. Паисий шел и шел вперед, боялся, вдруг огонек погаснет! Тогда и направление можно потерять. Но путеводный свет манил к себе, и монах даже не думал, что там могла ждать опасность.

Пройдя версту, а то и более, в темноте расстояние скрадывалось, Паисий почувствовал запах дыма, а остановившись услышал даже потрескивание дров в костре. Удивляться не приходилось, монах поймал себя на том, что и не думал об этом. Что бы он теперь не увидел, что бы не услышал, казалось самым обычным, чуть ли уже не испытанным когда-то. Пропал и страх, его сменило любопытство и подобие жажды к новому!

Лес закончился неожиданно, а огонек так и не увеличился, зато запах дыма и потрескивание стали еще заметнее. Паисий остановился, оказавшись на открытом месте, а потом пошел дальше, костер был совсем рядом, за ним высилась громада горы. Костер действительно горел, даже искры летели вверх, поднимаясь к ночному небу. Только в костре все же было что-то не так.

Монах шел до него несколько часов, однако создавалось впечатление, что дрова сложены только что, а маленький огонек только, только затеплился, укрепившись на бересте в самом его центре. Береста скручивалась от огня, выбрасывая искры, потрескивая и издавая приятный запах. Паисий остановился метра за четыре до костра, оглянулся по сторонам, но никого не увидел.

И этому обстоятельству монах не удивился и расположился у костра. А костер вдруг зажил своей обычной жизнью, разгорелся по настоящему. В свете пламени Паисий увидел каменный колодец, набрал в котелок воды и повесил его на перекладину над костром. Кстати две рогатки и перекладина были свежими, только что срубленными! Хлеб, морковь и репа утолили голод. От них, или нет, но урчание в животе прекратилось, а скоро закипела и вода. Паисий передвинул котелок от центра костра, бросил в него зверобой и стал ждать, когда поспеет чай.

Честно говоря, монах ждал, что вот, вот появится вчерашний знакомец Райда. Но того так и не было. Может конечно и показалось, но вроде один раз красными огнями блеснули в стороне глаза стража. Только и всего-то. Паисий увидел чернеющий вход в пещеру, подмывало

пролезть в него, но чутьем понимал, на сегодня событий хватит, и улегся спать у костра. Спал крепко, это был действительно сон, а не забытие на вершине скалы, и сон без сновидений. Паисий все хотел назвать то место на скале бесовским, но тут же вспоминал слова Райды - все на земле от Бога.

Утром Паисий не сразу полез в пещеру, а сначала осмотрел окрестности. Манил к себе каменный колодец. Монах опустил в него руку, вода оказалась ледяной, но обжигала жаром. И почему-то опять вспомнился Райда, протягивающий руку за хлебом через пламя костра и вместе с тем боящийся обжечься о только что заваренный чай.

Если стоять лицом ко входу в пещеру, то справа от него виднелась куча камней, которой была завалена выемка у основания стены горного кряжа. Из под этих камней смердило, причем Паисий почувствовал не запах, а нечто другое, - видать тут был завален человек, который смердил своими делами еще при жизни. - И этому новому видению монах не удивился.

Зато из осинового лесочка, выросшего рядом с горой, благоухало. Паисий нашел между тонкими деревцами заросший травкой могильный холмик, ставший как-бы частью леса, и даже простой крест, установленный над могилкой, зазеленел, прижился и превратился в маленькое деревцо! - Райда! - Понял монах. - Вот ты где приклонил свою голову, а душа твоя до сих пор не знает покоя...

В пещере лежали останки еще одного человека, мужчины. Воздух внутри горы превратил его в мумию, кожа на лице истончилась, обтянув скулы и обострившийся подбородок. Этого человека Паисий не знал, зато внимание монаха привлек шнурок на шее. На шнурке имелся простенький оловянный крестик и еще одна вещица, как некий маленький продолговатый кокон, сделанный вероятно из ткани, уже сросшейся. Если бы этот кокон надо было раскрыть, то пришлось бы разрезать ножом, а еще лучше бритвой.

И тут Паисий совершил действие, которому внутренне противился, но сделать с собой ничего не смог. Монах снял с себя шнурок тоже с оловянным крестиком и поменял на почти такой же, когда-то принадлежащий мумии. Дело было ни в коем случае не в крестиках, а в коконе. И еще Паисий брал на себя все возможные грехи мумии, отдавая ей свои.

Чудотворная икона

Солнечный луч, тонкий, как вязальная спица, коснулся лица Паисия, и монах провалился в забытие, не в сон, и пролежал на скале целый день. Вечером монах очнулся и не сразу понял, что стал совсем другим. Паисий больше не удивлялся ничему и перестал бояться, хотя и раньше принимал происходящее вокруг довольно спокойно. Луч наверное уколол монаха в глаз и проник в самое сердце, в душу, изменив сущность человека.

Но оказывается и зрение претерпело изменение. Как можно было видеть крохотный огонек от горящей бересты через лес. А ведь этот огонек был для монаха путеводной звездой и вывел к пещере, где хранилась картина, нарисованная отшельником Райдой много веков назад!

Когда монах первый раз залез через низкий вход в пещеру, то остановился в полной темноте и сначала не знал, как быть. Но глаза привыкли к темноте, хотя не могли привыкнуть, не было достаточного источника света внутри подземелья, и появилась серость. В этой серости стало возможным разглядеть пещеру, проявилось белесая мумия. Шнурок с крестиком и матерчатым коконом, снятый с мумии, оказался длинноват. Паисий укоротил его по особенному, завязал петельку, а обрезать лишнее не решился, понимал каким-то внутренним чутьем, - нельзя так делать. Шнурок с древностями был дан ему лишь на время.

В дальнем конце пещеры просматривалась загородка, занавешенная шкурами. За ней оказалось второе ложе. Видимо здесь ночевал второй человек, скорее всего женщина. И в этом углу нашлась небольшая ниша, где и стояла картина в грубой самодельной раме. Как не изменилось видение Паисия, но картина представлялась только черным прямоугольником. Вот деревянные плоскости с остатками красок мерцали еле заметным разноцветьем.

Монах не торопился, устроился перед картиной и просидел так долго. Время не играло никакой роли и могло вообще остановиться. Ничего на полотне Паисий не увидел, и сидел он перед картиной вовсе не для этого, а пытаясь впитать работу древнего мастера. Вдруг проявился запах красок, высохших много столетий назад, и стала понятна суть невидимых изображений. Оказывается их было два - старик и женщина. Причем нарисованы они были без наслоений одно на другое, а вместе!

- Никакая это не икона, - наконец прошептал монах, - это самое оно и есть. - А что уж было "это самое оно", Паисий и сам не знал. Поэтому картину пока трогать не стал, прошел обратно к выходу, особенно осторожно мимо мумии, знал, - тревожить мертвых не надо, - и вылез наружу.

Оказывается опять наступила ночь, а у входа горел костер, весело потрескивая смолистыми дровами. Искры летели вверх, отблески пламени мерцали на лицах двух старцев. Хотя один, тот что сидел слева от костра, был никакой и не старец, просто борода заметно добавляла возраста человеку. Оказывается Паисий уже встречался с ним не так и давно.

- Увидел... картину? - Спросил Райда, усмехнувшись, и подмигнул второму. Тот лишь пожал плечами.

- Не картина эта вовсе, - отозвался Паисий и, не спрашивая разрешения, утродился у костра, тут же добавив, - и не икона никакая.

- Прозрел, Паисий, - бородач все посмеивался, видимо в этот раз у него было веселое настроение.

- Он-то здесь причем, - вступился за монаха второй, действительно старец.

- Да так я, смешинка в рот попала, - вроде как повинился Райда и тут же добавил. - Мне-то можно!

- Тебе можно, - согласился старец, посмотрел на Паисия и пояснил, - он и нарисовал эту картину.

- С ним-то я знаком, - кивнул монах, не удивившись, - тебя как зовут?

- Христо, - ответил старец, - а ты никак со мной крестиками поменялся?
- Бес попутал, - монаху стало очень неудобно.
- Я тебя чему учил? - Вмешался Райда.
- По привычке, - Паисию было не удобно за крестики, а тут еще одно сразу добавилось.
- Простите уж меня, люди добрые! - Монах сорвал с головы шапку, хотел перекреститься, но рука, как и в тот раз на скале не поднялась, только дрогнула. - Вернуть крестик-то... я сейчас!
- Сиди, - успокоил монаха Христо. - Все правильно сделал. Ты же не крестиками поменялся?
- Я из-за тряпочки, - монах достал из-под рясы шнурок, показал крестик и тряпичный кокон.
- Она велела, - добавил Райда.
- Она? - Не понял Паисий.
- На картине ее видел? - Спросил художник монаха. - И вон там, на стене.
- Видел, вроде женщину видел... Только на стене и на картине... разные они?
- Она всем заправляет, - продолжил Райда, не объясняя разницу, - ее рисовал... Миролюбу. Дочь мы с ней нажили. Ее саму Мира звал, а дочь Любой. Миру на той скале как ветром сдуло... за руку держал, да что толку. Миг один, и не стало, а вместо нее дочурка осталась, Люба моя, Любавушка...
- А мне она так и не показалась, - добавил Христо. - Старика видел, да и то редко... На стене не в счет.
- Значит не надо было, - художник оказывается был за старшего.
- Смотрел, смотрел на эту черноту, не увидел. - вздохнул с сожалением Христо. - Весь свой век здесь прожил. А зачем?
- А это что за тряпочка? - Перебил Паисий и опять достал шнурок из-под рясы.
- Долго раскатывать, - ответил Христо. - Там внутри обычная иголка от елки, даже тогда высохшая была, рыженькая... но иголка меня и Назию...
- Назию? - Переспросил Паисий, слышавший об этой женщине в Колучино.
- Слышал о ней? Не сгинула? - Поинтересовался Христо.
- Деревня тут есть, Колучино, там и жила, замуж вышла, детишек нарожала.
- Вот и хорошо, а то все на душе беспокойно было, не ужились мы тут вместе, - заметил Христо, но рассказывать почему не ужились не стал, не к чему было, продолжил про иголку.
- От веков лихолетья та иголка нас избавила, пронесла над ними, как и не было их... Может иголка эта и тебе пригодится, а может еще кому.
- А что за старика ты нарисовал? - Спросил Паисий художника, пряча шнурок обратно, не очень он понял о чем рассказал Христо, а может и вообще не понял.
- Это только сама может сказать, - ответил Райда, имея ввиду Миру, - может и появится, не зря же тебя вызвала, - пояснил художник, кивая в сторону Паисия.
- Вызвала? - Не понял монах. - Я сам пришел...
- Все мы сами, - перебил Христо, - только без нее не случилось бы ничего...
- Картины бы не было, - добавил художник, - сама моей рукой водила, краски опять же она... Сейчас если сказать, то и не вспомню, как краски делал, из чего. Чудно даже вспоминать... Пора бы ей уже...
- Вот и чаек поспел, - монах, пока говорили, уже успел чай из зверобоя заварить.
- А я давно тут, - раздался женский голос от треснувшей стены, где и был портрет Миролюбы. - Вас слушала, ждала, пока чай заварится... Угостишь, Паисий? Слышала от людей, уж очень чаек твой хвалят!
- Подходи, подходи! - Монах радостно поднялся и разлил чаек по кружкам, взятым из пещеры.

От стены к костру подошла женщина. Была она высока ростом. В чем одета, и не сказать. Как струилось на ней все, а контуры тела только угадывались, впрочем, как и черты лица. Ночь выдалась тихая, безветренная, но и волосы Миролюбы развевались по ходу ее движения. Паисий поднял с земли кружку, подал женщине, впрочем не знал, возьмет ли она ее. Желание испытать чайку могло быть просто словами.

Но Миролюба остановилась у костра, обрела вполне видимые формы, взяла у монаха кружку и начала отпивать чаек маленькими глотками.. Остальные молчали, ждали, а Райда смотрел на свою Миру влюбленными глазами.

- Спросить можно тебя? - Не вытерпел Райда.

- Спрашивай, - разрешила женщина.

- Любавушка, доченька наша, как?

- Хорошо, скоро сам ее увидишь, - ответила Миролюба.

- Скоро?! - Обрадовался художник.

- Закончилось ваше время здесь! - Объявила Мира и строго посмотрела на Паисия. - Бери икону, пусть картина будет иконой, и отнести в свой монастырь. Как ее называют?

- Его, - оторопело поправил Паисий, - Николай Чудотворец... слух уже пошел, паломники собираются.

- Пусть так и будет! - Разрешила Миролюба, допила чаек и поставила кружку на землю. Ее фигура опять неуловимо заструилась. - Пора нам! - Объявила женщина, или то, кем она была, и посмотрела на Райду и Христа.

Они поставили свои кружки с чайком на землю, не успев допить, и послушно пошли за Миролюбой к стене.

- Страж при тебе останется! - Последнее, что услышал Паисий, и три фигуры, сделавшись призрачными, пропали у стены с нарисованным портретом.

Монах так и стоял с кружкой в руках у костра, оставшись один.

- Кто же на картине? Кто этот старец? - Хотел крикнуть вдогонку троице Паисий, но опоздал.

Ему в ладонь ткнулся мокрый и холодный нос Стража, признавшего нового хозяина. До утра еще было время. Человек и волк с примесью собаки улеглись на подстилку у костра, прижались друг к другу и проспали до рассвета. А утром Паисий собрал свои нехитрые пожитки в сидор, закинул его за спину. Картину бережно завернул в обрезанный подол от своей рясы, перетянул бечевой и бережно держа в руках пошел обратно в Колучино, в монастырь.

С этого дня картина сделалась иконой Николая Чудотворца. Ее вставили в красивую золоченую раму и повесили в храме, в Колучино же. Лик Святителя показывался очень редко, раза два в год, когда лучи Солнца особым образом падали на икону через боковое окно. Эти дни никак не удавалось просчитать и привязать к календарю.

Все же некоторым счастливым везло, им удавалось увидеть чудо явления Николы. Это считалось неким знаком, большой удачей. Другим же говорили, что и они когда-нибудь смогут лицезреть светлый лик, но пока грешны и не достойны. Был и еще один единственный случай, когда старушка паломница, шедшая до монастыря пешком много дней, увидела на иконе саму Богородицу! Ей конечно никто не поверил, но слух пошел гулять по земле православной. Число паломников в монастырь только увеличилось. Икона стала считаться чудодейственной.

Паисий не задержался в монастыре надолго, в церковь, где висела принесенная им картина, ходить не любил. До осени он писал, жил в отдельной келье. Но его записки пропали. Впрочем их никто и не искал. Ушел Паисий в зиму по первому снегу, чего раньше не любил. Его громадный то ли пес, то ли волк пропал вместе с ним. Больше о Паисии никто и ничего не слышал.

Кража сакральной иконы

- Да, интересная легенда. - Майор Максимов отложил последний лист текста, отпечатанного на машинке. В ту пору он был заместителем начальника областного уголовного розыска. - Только зачем генерал мне ее подсунул?! - Другого слова у Петра Сергеевича не нашлось. Дел в разработке хватало, а вот опытных сотрудников наоборот. - А тут еще легенда какая-то. Генерал сказал, - прочитай сначала, потом поговорим. Ну что, прочитал. Интересно. А дальше что?

Нутром Максимов уже понимал, - заварилась вокруг местной епархии какая-то каша. Правда по сводкам происшествий ничего не проходило. Ладно, подожду, генерал все равно вызовет. Может и прояснится что. - майор встал из-за стола, открыл форточку и закурил Шипку. От любимого Казбека пришлось уже отказаться. За окном шумел вечерний город, пролетал мокрый снег, на улице Героев Хасана было слякотно. - Как бы не пришлось ехать в какую-нибудь тьму таракань. Хотя, честно говоря, засиделся я в кабинете. После золотого дела никуда не выезжал.

Телефон на столе прозвенел неожиданно, хотя звонка Максимов ждал, - Петр Сергеевич, генерал вызывает, - сообщила секретарь из приемной угро.

- Иду, - отозвался майор, сложил отпечатанные листочки в папку и пошел к руководству, еще не зная, что его ждет.

- Прочитал? - Генерал встретил на ходу, был если не зол, то на взводе, и к обстоятельному разговору не расположен.

- Прочитал, - доложил Максимов.

- Что скажешь?

- А что тут сказать, - майор недоуменно пожал плечами, понял, никаких разъяснений не будет. - Легенда, красивая легенда, не более.

- Вот тебе и разбираться с этой легендой! Ты у нас мастер на разные загадки. Кроме тебя не кому.

- А в чем тут загадка-то? Не вижу я никакой загадки, мистика одна!

- Листочки эти мне наш патриарх прислал, проблема у них какая-то. Так что ты встреться с ним, переговори. Может и наше участие потребуется... Самому бы к нему съездить, да... не люблю я все это. Так что давай, на меня сошлись. А я вот в обком в очередной раз на ковер. Первый вызывает.

Патриарх, как назвал его генерал, с Максимовым не встретился, видимо не по чину посчитал. А о проблеме рассказал кто-то из церковных чиновников. Как его звали в миру, майор не знал, а обращаться отец Варфоломей язык не поворачивался, на подчиненного перешло отношение генерала. Ну посидели, поговорили. И вот что чиновник от милиции узнал от чиновника другого ведомства, как-то связанного с небесной канцелярией.

Пропала из церкви в Колучино та самая икона, которая первоначально была картиной. Но вот в чем дело! Церковь никак не хотела связывать предисторию иконы, опять же кем-то отпечатанную на машинке, с ее нынешним статусом чудотворной святыни. Просили о помощи, просили икону найти, да и только.

Причем с заявлением в органы обращаться не хотели. А ценность иконы никак объявлена не была, в том числе и как художественного произведения. О нанесенном ущербе говорить было сложно, если не невозможно. Существовало конечно оскорбление чувств верующих, но как-то облечь его в сухой язык милицейского документа представлялось сомнительным.

На вопрос Максимова можно ли увидеть подлинник документа, с которого на машинке был отпечатан текст, ответили отказом. Майор так и не понял, существует ли подлинник. А представленный текст вызывал некоторое подозрение - написан современным языком, и изложенные события были уж очень приглажены, что ли. Майор понял, даже почувствовал, что за

изложенным лежит, а может и скрывается сознательно нечто большее, напрямую не укладывающееся в церковные каноны.

Максимов за свою короткую жизнь повидал и пережил разное, зачастую лежащее за гранью понимания. Такое приходилось просто принимать душой и верить. Одно золотое дело чего стоило. Без веры в то самое непостижимое не удалось бы раскрыть преступление, где жертвами стали несколько человек. С точки зрения обывателя события казались невероятными, но они происходили, оставляя свой черный след в реальной жизни. А с точки зрения церковных догматов, доведенных до формализма, подобное должно быть сразу объявлено бесовщиной.

- Я думаю, тебе все же надо побывать в Колучино, - предложил генерал, особо не настаивая, когда Максимов доложил о своем походе в епархию и о состоявшемся разговоре. - Не засиделся в кабинете? - Генерал весело подмигнул, настроение у него было в этот день хорошее.

- Можно конечно, - майор неопределенно пожал плечами.

- А что, сомнения есть?

- Да они всегда есть... должны быть. Иначе и не получится ничего.

- А в чем сомнения?

- Не понравился мне этот отпечатанный документ... Он и стал по своей сути формальным документом. Раскрывает только... не знаю как и сказать...

- То, что им удобно, так? - Понял генерал. - И мне показалось.

- Вот, вот, - подхватил Максимов. - А ведь за этим документом, впрочем не за ним, а за подлинником рукописным того самого монаха много что может стоять, не только одна икона...

- Как в деле с золотой пещерой было?

- Ну, тут дело вряд ли до золота дойдет, - возразил Максимов и добавил после паузы, - тут совсем другое... И никакая это не икона вовсе...

- Чуешь, - усмехнулся генерал, - так ты кажется говоришь? Вижу чуешь. И крупным делом пахнет?

- А вот про это пока ничего не могу сказать... В Колучино пока торопиться не надо. Тут бы ситуацию подработать...

- В епархии? - Насторожился генерал.

- В ней, - подтвердил Максимов, - концы бы какие найти.

- Ну, официально я тут тебе не помощник, - генерал покачал головой, - да и объект этот не наш... не напортачить бы!

- Так я же не так, не в лоб... подумаю...

- Вот, вот, подумай. Только сначала мне свои соображения доложишь.

- Есть! - Бодро отрапортовал Максимов.

- И помнишь, как там у классика... Я конечно борюсь со злом по мере моих скромных сил... - генерал хитро посмотрел на майора.

- Но не берусь выступать против самого прародителя зла. Кажется так? - Подхватил Максимов.

Вот, вот, не забывай! - Генерал намекнул конечно не столько на мифическую составляющую этой цитаты, сколько призвал подчиненного к осторожности в работе по этому делу. А то, что дело будет, и дело серьезное, генерал тоже понял, увидел как у Максимова загорелись глаза.

Нештатный выезд скорой помощи

Константин Иванович Мулерман родился в смешанной семье. Поэтому наверное его жизнь пошла не по накатанной дорожке, а иногда и закоулками. Профессию правда он получил вполне нормальную, закончил медицинский институт, выучился на терапевта общей практики. А вот дальше оказался не в ординатуре, не в престижном лечебном учреждении, стал работать врачом скорой помощи в областном центре. Не суть важно почему так получилось, почему звезды сошлись подобным образом, только работа Константину нравилась, и он не собирался ее менять.

Нас же с вами, уважаемый читатель, интересует совсем небольшой эпизод из его врачебной практики, произошедший на срочном вызове к больному, так-как имеет прямое отношение к данному сюжету. В 23:47 в диспетчерскую скорой помощи поступил звонок с телефона автомата, и мужчина заплетающимся языком сообщил, что компания друзей отмечала день рождения. И вдруг одному из гостей стало плохо, он упал и посинел. На уточняющий вопрос принимавшего вызов, мужчина пояснил, что Коля дышит, правда с трудом, приезжайте быстрее.

Адрес дома, где происходили именины, отдаленный район, имел дурную славу. По сути это был обособленный поселок на правом берегу реки, вдоль которой протянулся областной центр, и был он застроен двухэтажными домами с двух подъездах. Это были добротные кирпичные дома квартирного типа, не бараки. Правда народ здесь жил все больше простой, но работающий. У каждого дома во дворах имелись дровяники, так назывались сараи. Каждой квартире принадлежал отдельный дровяник и использовался по разному. Даже животных держали, так-как надобность в дровах давно отпала, провели центральное отопление. Правда удобства так и остались на улице.

Косте Мулерману доставались самые трудные вызовы. И дело было вовсе не в сложности, а в отдаленности, или той самой репутации, куда и ехать-то порой боялись. Костя был самым молодым и никогда не отказывался от трудной работы. Сели ему на шею, свесив ножки, да еще и погоняли, за глаза посмеиваясь над исполнительным дурачком. Медсестра, звали ее Марина, тоже пришла на скорую недавно после училища. Вот и сбились Костя с Мариной в неразлучную парочку. Может оно и к лучшему.

РАФик ехал быстро, бригаде повезло, за рулем был Олег Петрович, водитель хоть и в возрасте, зато хорошо знавший город, бывший таксист.

- Боровая восемь? - Переспросил водитель больше для разговора. - Редко в тех местах бывал. Тамошние жители на такси не ездят. Случилось-то что?

- День рождения отмечали, - пояснил Константин, - вот одному из гостей плохо и стало.

- Перебрал что ли?

- Упал, посинел! Кто же знает, что с ним....

- Туда бы сразу с милицией ехать, - посоветовал Олег Петрович. - Упал, посинел... Почему вдруг упал, да еще посинел? Подозрительно все это.

- Бывали такие случаи, - пояснил Костя. - В смысле милиция не выезжает, ей сначала от нас подтверждение надо... Рация-то у нас работает?

- Работает, - уверенно подтвердил водитель.

Дом по Боровой восемь стоял не на самой улице, а через двор, и подъезда к нему не было, от дороги вела тропинка, припорошенная вечерним снегом.

- Квартира какая? - Спросил Олег Петрович.

- Вторая, - ответил Костя, заглянув в лист вызова.

- Сдается мне справа на первом этаже, вон те два окошка светятся. Двери в подъезд со стороны дороги, так что я вас видеть буду... Если что, бегите обратно и кричите!

- Совсем вы нас напугали, - Марина захватила свой чемоданчик и заспешила за Константином Ивановичем.

Разговор в комнате через хлипкую дверь в подъезд был слышен, но дверь на стук Кости никто не открыл.

- Скорая! - Крикнул доктор, - Скорую вызывали? - И еще несколько раз стукнул кулаком в дверь, уже посильнее.

Неожиданно дверь открылась сама, наверное от стука. За столом под лампочкой, свешивающейся с потолка, сидели трое мужчин, сидели видимо давно, пустых бутылок разного калибра хватало. Ну и на газете оставалось еще кое-какая закуска. Картину дополнял сизый дым, висящий слоями, и зловонный запах.

- О, еще гости, - сидящий спиной к двери обернулся и увидел сотрудников скорой, правда не понял, кто они такие. - Серега, к тебе!

Серега, то ли хозяин квартиры, то ли именинник, а может и то, и то, хотя и сидел лицом к двери, не заметил вошедших и смотрел на мир осоловевшими глазами.

- Я звонил! - Признался третий и обратился к собутыльникам. - Вы че, про Коляна забыли?!

- Так он домой ушел, - Серега все же посмотрел на вошедших.

- Ушел, - подтвердил третий и засмеялся, - да не дошел, в коридоре пал...

- А вы его не видели? - Спросил первый, обращаясь опять же к вошедшим.

- Колян тута живет, хата напротив, - пояснил третий, - я его затащил и на полу оставил... Поплохело братану! Синий стал... вот я к вам с автомата и позвонил.

- Зайти-то можно туда? - Спросил Костя.

- А че нет, дверь открыта...

Колян не лежал на полу, сидел, привалившись к двери во вторую комнату. Был он и вправду посиневшим, язык вывалился изо рта. Костя подошел и пощупал пульс на шее. Пульса не было, причем давно, кожа была уже холодной.

- А это что? - Марина показала на веревку, привязанную к ручке двери.

Петлю на шее под складкой кожи заметили не сразу. А когда заметили, поняли, в чем тут дело.

- Сам что ли? - Шепотом спросила Марина.

- Беги к машине, - Костя подошел к окну и приоткрыл раму, - а я пока тут займусь. Не похоже, что сам. Мертвого уже посадили... Пусть милицию вызывает, а ты обратно... Не забоишься?

Нет, - дрожащим голосом ответила Марина. - Я с вами.

Тайник с украденными ценностями

Марина перевалилась через подоконник и свалилась в снеговую жижу под окном. Морозов еще не было, и мокрый снег таял на крыше двухэтажного дома, съезжая вниз. Из соседней квартиры, где сидела веселая компания, в окно падал свет во двор. Поэтому, чтобы не заметили, медсестра скорой помощи на карачках пробралась под стеной дома, вымокнув окончательно. Но тут уж было не до комфорта. Вопрос стоял между жизнью и смертью. Толкнувшись в темноте, Марина вскочила на ноги и побежала к машине скорой помощи, оставшейся на дороге.

- Олег Петрович! - Медсестра залетела в машину и не отдышавшись заговорила быстро.
- Милицию, милицию надо! Константин Иванович там остался...

- Да, тихо ты, - спокойно ответил водитель, - не тараторь, толком объясни.

- Мертвый там! - Продолжала Марина чуть спокойней. - Повесили мужика! Константин Иванович так сказал... Я обратно побежала...

- Да стой ты, сейчас свяжусь, пояснишь, а то не понятно ничего. - Водитель понял, дело серьезное, снял трубку с радиации и нажал вызов. - Диспетчерская! Бригада с Боровой восемь. Труп у нас... Нет, с признаками насильственной смерти... Повесили. Медсестра прибежала... Говорит компания там, пьяные... Да, врач определил... Там остался. Милицию вызывайте, срочно! Я на дороге стою у дома. Пусть близко ко мне не подъезжают... А то как бы доктора там нашего... ну сами знаете.

- Ты куда?! - Водитель хотел остановить медсестру. Но Марина уже выскочила из машины и побежала обратно к дому.

- Вызвали, приедут. - Шепотом сказала медсестра, забравшись через окно обратно в комнату, и предложила. - Снять бы его.

- До милиции оставим, ему теперь уже все равно. Делать-то пока что будем? - Похоже врач испугался. - Не придут... эти... сюда.

- Могут и зайти, - предположила Марина. - Может лучше самим их позвать.

- Зачем?

- Как они хотят, так и скажем. Мол повесился ваш дружок...

- Вроде как мы поверили.

- Ну да... Они все равно пьяные...

- Им же надо сказать, что милиция нужна.

- Скажем, пусть сами вызывают. Они же хозяева. А мы милиции дождемся, подтвердим, что сам он... ну, чтоб не испугались они раньше времени.

- Эти испугаются, как же. Ну да ладно, так и сделаем.

- Тогда... я к ним пошла...

- Что ты, я сам, тут жди.

Константин Иванович вышел из комнаты, прошел через площадку и заглянул в соседнюю квартиру, где трое так и продолжали сидеть за столом и праздновать.

- Ну что, доктор? - Спросил третий, тот, что затаскивал Коляна в квартиру, якобы обнаружив его лежащим в коридоре.

- Опоздали, - ответил врач, - не дышит, да и сидит как-то странно...

- Пойдем посмотрим, - третий уверенно поднялся из-за стола, похоже был он трезвее своих товарищей.

- Ну, Колян, удружил, - третий даже присвистнул и продолжил рассуждать. - Чего вдруг надумал... Из-за Клавки, что ли? Было бы из-за кого. - И пояснил доктору. - Шалава тут к нему прибилась, пятерик отмотала... А хотя баба ничего была...

- Милицию надо вызывать, - перебил врач.

- Само собой... А ты что скажешь?
- То же и скажу, - согласился доктор. - Нам дальше ехать надо.
- Милицию дождешься?
- Так вызови сначала! - Костя начал терять терпение.
- Не кипишуй, - третий сверкнул глазами. - Сам он, сам. Понял?!
- Конечно сам! - Согласился доктор. - Мне вызов закрыть, милицию дождаться и дальше ехать. - Костя достал из чемодана чистый бланк, сел за стол и начал заполнять его.
- Вызову, - согласился третий, сходил за телогрейкой и пошел звонить в милицию.

Компания после вызова милиции нисколько не встревожилась, даже продолжила застолье, только уже не веселое. Разговор зашел о бедном Коляне, которого бросила Клавка. Рассуждали, куда она могла дальше податься, к кому, ну и так далее.

Первой приехала патрульная ПМГ, оказалось недалеко, приехала быстро, и сотрудники милиции задержали всех троих. У Сереги, именинника, не оказалось прописки. Жил он в этом адресе на птичьих правах, постоянного места работы не имел. Третий - Юрок, тот кто вызывал и скорую, и милицию, имел только справку об освобождении, но свежую. Объяснил, что получить паспорт еще не успел. Правда и о своих дальнейших планах ничего сказать не мог. У первого, сидевшего спиной к двери, паспорт был в порядке, только прописка оказалась в области. Зачем приехал в областной центр, было непонятно. Так что и с ним надо было разбираться дальше.

А вот четвертый - Колян, Николай Иванович Дружбин, оказался личностью вообще примечательной. В его вещах документов обнаружено не было. Нашлась лишь фотография, сделанная в фотоателье, на которой и были написаны фамилия, имя и отчество. Правда однозначно о сходстве трупа с фотографией говорить было рано. Однокомнатная квартира, в которой он жил, принадлежала старушке, пускавшей квартирантов. А кто такая Клавка, никто толком и не знал, известна она была только из разговоров.

Опергруппа областного УВД и дежурный следователь прокуратуры приехали чуть позже. Тут же допросили бригаду скорой помощи. Доктор объяснил, как по косвенным признакам определил, что Дружбин сначала был задушен и только потом повешен. На место происшествия выехал и заместитель начальника областного уголовного розыска майор Максимов. Случай был неординарный, сложный и сразу требовал внимания со стороны руководства.

- Юрок, ты как здесь? - Максимов тут же узнал своего крестника, Юрия Михайловича Петухова, осужденного за кражу со взломом из магазина в областном центре.

- Узнал, начальник! - Юрок состроил гримасу, схожую с улыбкой.
- Тебя, да не узнать! - Максимов тоже решил подиграть. - А не рановато ли на волю подался?

- Что ты, начальник, - Юрок кивнул на справку об освобождении, лежащую перед майором. - От звонка, до звона, чистоганом...

- Ну, ну, проверим, как ты там срок мотал.
- Проверяй, век воли не видать, если что не так.
- Ладно, - согласился Максимов. - Не об этом сейчас. Что по этому делу думаешь?
- А что мне думать, - скривил рот Юрок, - нечего. Колян этот все сопли жевал, на судьбу жаловался...

- А ты его по каким делам знаешь?
- Да и совсем не знал, здесь познакомились... Клавка мужика довела. Все о ней плакался...
- Думаешь сам он?
- А кому больше! - Возмутился Юрок. - Народ здесь приличный, все больше каторжане бывшие, от дел отошли, живут смирно. Да и Колян этот никому не мешал, тихий, как пришибленный вроде...
- Фамилия как его?

- Не знаю... все Колян, да Колян... Да, за глаза-то его Тюхой звали.
- Тихушник что ли?
- Говорю же, пришибленный. Все у него из рук валилось.
- Клавку эту, видел?
- Видел, - заулыбался Юрок. - Так-то конечно козырная шмара...
- А что не так?
- Да все так! Только зачем ей Колян нужен был, вот вопрос... Она его сюда привела и у бабки поселила.
- Фамилия как у ней?
- Темная она, никто про нее толком не знает, и чем живет тоже.
- Здесь давно появлялась?
- Дня три как не видно...
- Коляну правда плохо стало?
- Грустный за столом сидел, потом говорит, пойду подышу. Ну и вышел на площадку, слышу, сбрыкал. Парни-то уже бухие были, ну а я выглянул, смотрю, лежит. В хату его затащил, на диван положил, водой брызнул. Он в себя вроде пришел, доктора попросил. Ладно думаю, не жалко, мало ли что. Сбегал, скорую вызвал... ну а потом к ребятам вернулся. Не думал, что он так...
- А в той квартире никого больше не было?
- Нет, один он остался...
- Может не увидел?
- Да там и спрятаться-то вроде некуда... А об чем базар?
- Сотрудникам скорой ты сказал, что в квартире на полу его оставил?
- Может и на полу, - Юрок пожал плечами, - не помню... Но на диван как-то лучше вроде.
- Ладно, разбираться будем.
- Петр Сергеевич! - Максимова позвали из квартиры, где нашли тело.
- Иду, - отозвался майор. - Закроем пока тебя, понял?
- Как не понять, - расстроился Юрок.
- Вот тут, смотрите! - Сотрудник угро показал Максиму у стены, где стоял раньше диван, теперь отодвинутый в сторону, поднятую половую доску. - Тайник!
- Что там?
- Цветной металл.

Под полом были найдены несколько серебряных кубков, золоченый оклад картины или иконы и небольшой тубус, в котором оказались листы давно пожелтевшей бумаги с письмами. В письменных записках было что-то удивительно знакомое, их даже можно было при желании прочесть. Только смысл написанного неуловимо ускользал.

Давление на подозреваемого

Веселая троица, праздновавшая день рождения, была закрыта в СИЗО. Прокуратура сразу возбудила уголовное дело по факту убийства неустановленного лица. Никаких сомнений в насильственной смерти не было. В морге подтвердили показания врача скорой помощи, первым обнаружившего труп. Тело было подвешено на ручке двери уже без признаков жизни.

Фотография, на которой имелась надпись - Николай Иванович Дружбин, все же оказалась убитого. Правда, как подтвердила экспертиза, а позже и фотоателье, в котором фотографировался Дружбин в областном центре, была сделана пять лет назад.

Дружбин, в отличие от собутыльников, был не судим и перед законом не провинился. Прописки в области, где произошло происшествие, не имел. А откуда и когда прибыл предстояло еще устанавливать. Мария Львовна Вахрушева, прописанная в квартире, где все и случилось, проживала у сына. Муж ее умер, а существовать одной стало трудно. Втихаря и сдавала жилье, чтобы получать прибавку к маленькой пенсии.

Бабушка была в силу преклонного возраста глуховата и подслеповата, ничего про жильца сказать не могла, никакой Клавки не знала. Наверняка незаконной сдачей квартиры занимался ее сын. С такой махинацией предстояло еще разбираться. Тем более Клавка попадала в круг подозреваемых.

Максимов на утро, когда трое наконец протрезвели, допросил каждого. Правда Юрок хорошо соображал и накануне. По замыслу майора их поместили в одну камеру, где крестник подработал ситуацию. Подозрений в отношении троицы не появилось, но поддержать их в камере имело смысл, могли вспомнить какие-то мелочи и фактики, на первый взгляд вроде и незначительные.

Оснований задерживать Вахрушева, сына подслеповатой хозяйки квартиры, не было. Оставалась лишь надежда на то, что удастся расколоть его в отношении Клавки. Как оказалось, видеть-то ее видели, а кроме имени ничего не знали - ни где живет, ни чем занимается.

Валера Вахрушев оказался парнем далеко не простым, хотя изо всех сил старался изображать чуть ли ни недоумка. Но такие финты Максимов разгадывал сразу и пресекал. Валера работал на центральном почтамте водителем фургона, доставлял с железнодорожного почтамта посылки и письма. Вообще-то водители были и экспедиторами, несли ответственность за перевозимый груз. Так что строить из себя дурака изначально было неправильно.

К тому же решено было давнуть на Вахрушева психологически. Максимов разработал небольшую операцию по его задержанию, согласовав ее с начальником почтамта. Тот не возражал. Если милиция взялась за кого-то, пусть проверяет. Вахрушев получил груз на почтамте, расписался за него, фургон тут же опечатали, и только выехал с внутреннего двора, как путь ему преградила милицейская Волга.

Причем водитель Волги рисковал, перерезал дорогу фургону чуть ли не в плотную. Хорошо, что Валера успел затормозить и уже хотел выскочить из кабины, чтобы ругаться. То, что машина была милицейской, его нисколько не волновало. Но дверь в кабину с его стороны открылась сама, на подножке оказался сотрудник милиции, а на пассажирское сидение заскочил бравый гаишник в сапогах, с портупеей.

- Валерий Вахрушев? - Поинтересовался стоящий на подножке.

- Я, - дрожащим голосом ответил водитель, не зная, что и думать.

- Пройдемте, - прозвучало стандартное в ответ, сотрудник спрыгнул с подножки. - Ключ в замке оставьте.

Эффект был достигнут. Вахрушев как в замедленном кино вылез из кабины, непонимающе оглядываясь по сторонам, и на его запястьях тут же щелкнули наручники. Вообще такое показательное задержание произвело эффект не только на Валеру, но и на сотрудников поч-

тамта. Люди останавливались и с недоумением смотрели на происходящее. А в кабину тут же сел другой водитель.

- У меня газ заедает, - чуть ли не шепотом подсказал Вахрушев.

- Знаю, - подтвердил водитель, - ездил на этой колымаге.

- Да не колымага она... - начал говорить Вахрушев, но его подхвати под руки и затолкали в Волгу.

- За что его? - Спросила вахтерша, проходившую через КПП сотрудницу почтамта.

- Проворовался! - Не задумываясь ответила та. - Ревизия теперь будет.

- Вот те раз, - удивилась вахтерша. - Парень-то нормальный, хотя что-то в нем конечно и есть...

Вахрушева привезли в линейный отдел милиции на транспорте, ближе других был, располагался за вокзалом через железнодорожные пути. Здесь уже ждал Максимов, в выделенном ему кабинете.

- Валерий Петрович Вахрушев?! - Спросил Максимов грозным голосом, насупив брови.

- Я, - если Валера первый раз ответил дрожащим голосом, то перед грозным майором чуть ли не проблеял ягненком. - Не, не я это...

- Вы не Вахрушев?! - Максимов решил окончательно запутать водителя.

- Вахрушев... - ответил тот и вдруг выпалил, - Клавка это все, она... - Парень еще и не знал, о чем его будут спрашивать, но решил рассказать сам, о своих тревогах.

- Кто такая? - Грозно спросил Максимов, не показывая, что именно Клавка его и интересует.

- Сеструха двоюродная...

- А что она натворила?

- Год как у меня жила... ну в маминой квартире...

- Как не свалить на родственницу, - усмехнулся Максимов. - А жила за так?

- Не за так конечно, - повинулся Валера, - Только не платила ничего! Пожалел, что пустил...

- Так, - обрадовался Максимов, - значит срок уже имеешь. Ну, говори, говори, а то как бы ты с ней под вышку не попал!

- Какую вышку? - Удивление Вахрушева было неподдельным.

- Ту самую. - Максимов показал задержанному фотографии Дружина, сначала при жизни, а потом вчерашнюю.

- Это кто? - Вахрушев похоже опять не притворялся.

- В квартире твоей матери жил. Что скажешь?

- Да не бывал я там, - ответил задержанный, потом поправился, - бывал конечно... редко...

Но мужика этого не видел.

- Так стало быть сестра твоя, Клавка, его привела и жить пустила?

- Она, говорю же, она это все...

- И мужика задушила?

- Она может...

- И ты тут не при чем.

- Клавка - кличка ее, - потупился Вахрушев. - С год как откинулась...

- А блатняку она тебя научила?

- Да что тут учить... разные словечки в народе ходят... но и от нее конечно слышался.

- Фамилия сестры, имя, отчество, по какой статье сидела?

- Киселева Вера Александровна, за кражу... точно не знаю, только не одна она была.

- Фамилия Киселева по рождению?

- Да, Киселевы мы, она дочь дяди Саши, старшего брата матери...

- Жив?

- Не знаю, мать с братом не переписывалась никогда.
- Он где жил?
- В столице, где еще... Это мать за военного замуж вышла, вот и осели тут.
- А отец где служил?
- У вас и служил - Вахрушев Петр Николаевич... заключенных охранял... намотались по стране.
- Хорошо, проверим... О сестре что можешь сказать?
- Говорю же, сто раз пожалел, что пустил жить... Объявилась, бедная, ободранная, жить нигде... говорила, работу найдет...
- Специальность у ней есть?
- Как нет, институт в столице закончила... по художественной части что-то... картинами занималась...
- Так и не устроилась? Жила на что?
- Я не знаю, разговоров больше было... Но обещала уехать... вроде обратно в столицу ее звали.
- Ладно, будем проверять.
- А фотографию мужика можно посмотреть?
- Что, узнал?
- Ну... вот этого, с закрытыми глазами, нет конечно. А эту карточку у Клавки видел, выпала как-то... Спрятала ее тут же...
- У Клавки?
- Ну да, у Верки... Меня... отпустите? - Задержанный вроде как опять дурака включил.
- На работу надо...
- На работу? - Усмехнулся Максимов. - Нет, паря, с работой пока повременим, у нас посидишь...
- Так я ж... - Вахрушев запнулся, - вроде все вам рассказал...
- Вот за вроде и посидишь пока, вдруг еще, что вспомнишь.

Дальше Максимов занялся найденными в тайнике старыми рукописями. Сам прочитать их не смог, понял только - Это и есть первичный текст легенды, отпечатанный в местной епархии, правда приглаженный, причем очень хорошо. Так, чтобы написанное укладывалось в христианские каноны.

Для того, чтобы разобраться с первоисточником пришлось поехать в университет на истфак, где у Максимова были связи. Не даром он учился заочно на юрфаке девять лет с академ отпусками. Отучиться как положено не позволяла работа в уголовном розыске.

Командировка майора Максимова в тайгу на розыски украденного артефакта

Папка с документами по розыскному делу, заведенному по факту убийства Николая Ивановича Дружина, лежала на столе у майора Максимова, заместителя начальника областного уголовного розыска. Принес ее начальник отдела. Труп был обнаружен несколько дней назад, а документов в папке, правда еще не подшитых, уже хватало.

Максимов отодвинул папку в сторону. Все события последних дней были тщательно зафиксированы в форме протоколов, рапортов, заключений экспертов и так далее. Майор закурил и придвинул к себе новые материалы, пока не зная, как к ним относится. Несколько страниц машинописного текста, полученных из епархии в связи с кражей иконы из церкви в Колучино, Максимов уже изучил и свое мнение составил. Информации, которая могла бы пролить свет на кражу иконы, в этом документе практически не имелось. Так, получилось описание в рамках религиозной догмы.

А вот материалы, полученные из исторического факультета университета, представляли действительно ценность и могли быть использованы по уголовному делу об убийстве Дружина. Специалисты университета, причем для изучения найденной рукописи были привлечены и филологи, составили очень подробный документ, переложив текст с дореформенного русского языка на современный. Он был конечно очень интересен с исторической точки зрения, но Максимов понял, что раскрыть убийство без глубокого понимания сути изложенного просто невозможно.

Получалось так, что некий монах Паисий в начале двадцатого века собрал из устных источников информацию об очень странной картине, нарисованной чуть ли не шестьсот лет назад! Правда время можно было определить очень условно. И это была именно картина, а никакая не икона Николая Чудотворца. Православная вера в те времена только еще заходила на Русь. Сама картина вызывала много вопросов. Картиной этот предмет, если так можно было его назвать, являлся очень условно.

Максимов никак не мог понять, как Паисий узнал имя древнего мастера, которого звали Райда, жившего много веков назад. И это было не одно действующее лицо, сведения о котором дошли через столетия. В рукописи упоминались - Миролюба, его жена, дочь Люба. Спустя несколько веков появились Христо и Назия, тоже связанные с картиной.

А был еще один персонаж, так и оставшийся неизвестным, уже в те времена пытавшийся похитить артефакт. Майор плохо понимал, что значит слово артефакт, но оно было услышано от ученых исторического факультета и очень подходило к определению сути в конце - концов украденной картины.

В рукописи упоминались и дикие животные, некий Страж, то ли волк, то ли собака. Причем Страж возникал вновь спустя несколько веков, уже во времена Паисия. Упоминалась и волчица, чересчур умная для дикого животного с выводком щенков, спасенных Христо.

Интерес представляло и само место в отрогах Уральских гор, Урал камня, как называл его в рукописи монах. Существовала некая скала, обладающая непонятными свойствами, пещера, где жили участники тех далеких событий, каменный колодец с особой ледяной водой, почему-то обжигающей. А был еще и скит староверов, погибших от мора, занесенного неизвестным, так и не добравшегося до артефакта.

- Что же это за картина такая, пусть артефакт, - рассуждал Максимов, - который пытались украсть еще века назад, а похитили только сейчас? Какую ценность он имел? В чем была ценность? Точно не в материальном выражении. Тогда для чего был создан артефакт? Пока

одни вопросы. - Майор думал об артефакте, а в его памяти, уже всплывали не такие далекие события, связанные с золотой пещерой, Дайкой и дедом Матвеем, вечным дедом.

Расследование того дела растянулось на несколько лет, теперь оно уже и забылось. Правда остались так и не раскрытые до конца тайны. Да тайны эти и не могли быть раскрыты полностью. Одни источники с живой и мертвой водой чего стоили. А ворон, охраняющий подступы к золотой пещере. В текучке повседневных дел таинственное уходило на задний план, но оказывается не забывалось.

Вот и сейчас замаячило новое дело, не менее необычное, даже странное, а прошлое расследование оказывается не забылось. Правда место действия было совсем другим. Золотая пещера находилась севернее, а Колучино восточнее. Но так или иначе оба события были связаны с Урал камнем, так Уральские горы теперь называл и Максимов.

- А генерал, - задумался майор, - неужели он сразу связал кражу иконы с невероятным, необъяснимым? Спросить у него, что ли? - И только Максимов так подумал, как на столе загудел прямой вызов от начальника управления.

- Слушаю, Максимов! - Майор снял трубку и бодро отрапортовал.

- Есть что доложить, Петр Сергеевич? - Генерал спрашивал подчиненного уважительно, понимал, нельзя Максимова дергать.

- Есть соображения.

- Заходи.

В приемной генерала толпился народ, но майора помощник пропустил без очереди. Никакого ропота не последовало, понимали, Максимов просто так к начальнику не ходит.

- Ты надолго? - Спросил кто-то из полковников. - Я к тому, ждать нам или нет?

Максимов только молча пожал плечами.

Доклад, а потом и разговор получился долгим. Генерал даже предупредил помощника, чтобы н с кем не соединял. Народ в приемной сам - собой разошелся. Предупредили, чтобы вызвали, как начальник освободится.

Максимов начал сначала не про убийство Дружбина, а с документа, полученного из университета и вообще про рукописный первоисточник. И только рассказав историю артефакта, связал украденную икону с устранением Дружбина. Главной подозреваемой в двух преступлениях на тот момент являлась Вера Киселева по кличке Клавка, отбывшая срок наказания за кражу. Установить ее пока не смогли, направили запросы в МУР, но ответов пока не было.

- Поторопить бы их, - попросил Максимов.

- Сделаю, - пообещал генерал и улыбнулся. Вроде как они с Максимовым местами поменялись. - Я так вижу, розыск на два направления разделится.

- Даже больше, - возразил Максимов. В Колучино надо ехать, артефакт искать, розыском Киселевой заниматься, Дружбина установить, соседей по дому доработать... А по артефакту таможенно бы предупредить.

- Ну да, - согласился генерал. - Я по крупному разделил. Колучино, пещера, скала, артефакт - одно. Все остальное - другое. Так?

- Правильно, - улыбнулся Максимов.

- И ты себя конечно видишь в первом направлении, и никакие помощники тебе не нужны. Так?

- Так, - согласился майор.

- Тут и гадать нечего... - Генерал задумался. - Багин давно в отпуске?

- Только ушел.

- Ты значит за начальника?

- Ну да. - Максимов нахмурился. - Но в тайге кроме меня никто не справится.

- Вместо себя кого оставишь?

- Гурина, - не задумываясь ответил Максимов.

- У тебя же с ним не очень...
- Утряслось, - заверил майор. - Парень грамотный, можно на него положиться.
- Ладно, до утра подумаем... и я, и ты... А завтра с Гуриным ко мне!
- Есть! - Максимов радостно вскочил, уже предвидя результат завтрашней встречи. - Раз-
решите идти?
- Иди!
- Можно вопрос?
- Давай.
- Товарищ генерал. Вы сразу поняли, что кража иконы не простое дело?
- Ишь ты! - Усмехнулся генерал. - Могут у меня быть свои секреты? Могут. Так что до
завтра.

На следующий день ничего неожиданного не случилось, и Максимов выехал в Колучино. Одедся конечно по простому, в гражданское и поехал обычным рейсовым автобусом. Незачем было привлекать к себе внимание.

Девушка в обличье старухи

Майор Максимов за свою службу в милиции не бывал в Колучино. Севера изъездил вдоль и поперек, а восточнее быть не довелось. Север края был освоен лучше, населенные пункты там все же встречались, а на востоке в отрогах Уральского хребта людей практически не было. Колучино наверное было последней деревней, причем обитаемой.

Справка. На громадном пространстве Пермского края, занимающего более ста шестидесяти тысяч квадратных километров в семидесятых годах двадцатого века проживало всего около трех миллионов человек. В настоящее время население стало еще меньше - два с половиной миллиона.

Максимов мог конечно отправиться в командировку на служебной машине, в последнее время он так и делал. Но расследование, которым он занимался в этот раз, было скорее исследовательской миссией. Совершенное убийство оказалось вторичным и было лишь следствием кражи картины, по сути являвшейся артефактом, свойства которого были не известны. Поэтому майор и поехал в Колучино, где в церкви ранее висел артефакт, считавшийся иконой Николая Чудотворца, как бы не официально.

Одет он был в поношенный костюм коричневого цвета. Брюки заправлены в выдавшие виды кирзовые сапоги. Под пиджаком имелся серый свитер, местами штопаный, с растянутым воротом. Особенно Максиму нравилась куртка сталевара из грубого сукна, теплая и удобная для таких случаев. Мятая фуражка дополняла гардероб. А нехитрые пожитки лежали в вылинявшем рюкзаке.

Конец октября выдался холодным, подмораживало, но снег не торопился покрыть землю белым покрывалом, лишь ночью выпадала редкая изморось. В городе конечно было сыкотно, особенно днем. Но чем дальше Максимов ехал в глухомань, тем становилось чище, легкий морозец даже днем не отпускал. И майор пожалел, что не взял с собой шапку. Могло и уши прихватить.

Максимов доехал на вполне нормальном автобусе до райцентра Голованово, где переночевал в гостинице, правда с печным отоплением. Утром в Колучино отправлялся ПАЗик. Оказывается регулярно автобусы в эту деревню не ходили. А полноприводный ПАЗик райпо вез и людей, и продукты в магазин, да еще и почту. Автобус, как говорится, набился под самую завязку. Зато ехали весело. Правда надо было держаться за поручни, на продавленных сиденьях подбрасывало здорово. Дорога была даже не гравийкой, а проселком, местами с глубокими колеями, продавленными лесовозами.

Майор оказался в автобусе человеком новым, поэтому любопытная женщина, сидевшая рядом, тут же поинтересовалась, - Вы кто будете? К кому едете?

- Из областной газеты, - ответил Максимов, готовый к подобным расспросам.

- Надо же, - удивилась женщина, - и о чем же собрались писать в нашем захолустье?

- О том как люди живут, о чем же еще.

- Так ничего же хорошего в нашей жизни нет...

- Это как посмотреть, - возразил Максимов. - Может у вас просто взгляд замылился. А городскому жителю все будет интересно. Да и про Колучино в областном центре вряд ли слышали. Говорят вот, места у вас хорошие...

- Про места да, загляденье, врать не буду... зато вот дороги нормальной нет. - Слова попутчицы как раз пришлись на ухаб. Тряхнуло так, что можно было и с сиденья слететь. - Про дорогу к нам лучше напишите... который год обещают... а так, глядишь, может и поправят.

- И про дорогу напишу, - пообещал Максимов. - А людям похоже нравится. - На очередной яме кто-то здорово приложился головой, в ответ раздался дружный хохот.

В Колучино приехали ближе к вечеру. Автобус остановился в центре деревни, где в просторной избе с высоким крыльцом располагались магазин, почта и местная власть. Заправляла всем в единственном лице строгая и решительная женщина, вышедшая на крыльцо. Водитель тут же предупредил, что сегодня же в ночь отправляется обратно. Так что, кому в райцентр должны поторапливаться.

Максимов вышел из автобуса и осмотрелся, - деревня как деревня, ничего особенного нет. И как раз в этот момент начал бить колокол на церкви, стоящей тут же в центре.

- Во, во! - Тут же подхватила попутчица Максимова, еще не успевшая уйти - Про церкву нашу напишите!

- А что про нее писать? - удивился майор. - Церковь, как церковь.

- Не слышали разве?

- А что?

- Вот те раз! - Удивилась женщина. - Так ведь икону знаменитую у нас украли.

- Дорогую? - Максимов сделал вид, что ничего не знает.

- Чудотворную! - Пояснила попутчица. - Никола лечил не всех подряд, только истинно верующих!

- И такие есть? - Удивился Максимов.

- Да ну вас, - обиделась женщина, - некогда мне. Отца Паисия расспросите. Он все расскажет. Напишите, как наша милиция плохо работает, икону найти не может... все какая - никакая от газеты польза будет. А то одно назначение - в сортир.

Пассажиры разошлись, автобус начали разгружать, а Максимов пошел к церкви, и только тут до него дошло, - Отец Паисий! Это что, совпадение? Ведь рукопись в начале века тоже составил Паисий, только монах.

Колокол замолчал, а почти в пустой церкви началась служба, на которой присутствовало несколько старушек. Максимов засунул кепку в карман куртки, рюкзак поставил в сторонку и тоже принял участие в Богослужении. Майор был крещен еще в младенчестве в конце тридцатых. Верил ли в Бога? Трудно сказать. Но и безбожником его назвать было нельзя, особенно после всего того, что случилось при расследовании золотого дела.

Скорее Максимов верил в существование высшего провидения, которое вмешивалось в жизнь людей. И не мог понять, зачем нужна церковь и нарисованные Боги, к тому же помещенные в золоченые рамы. Оклад с украденной картины был таким же. И в церкви все блистало золотом. Зачем? Совсем недавно товарищи Максимова наоборот уничтожили проклятое золото, добытое грабежом и разбоем. За этим золотом стояли тысячи загубленных человеческих жизней!

Тем не менее Максимов, чтобы не казаться чужим во время службы, крестился, кланялся и даже повторял за другими молитвы. Подходить ближе к алтарю майор не хотел, неудобно было во время службы. Поэтому место, где висела украденная картина, не видел. Лишь после окончания подошел ближе и поставил зажженную свечу. Иконостас был древним, иконы старинными, и одно место действительно пустовало. Наверное здесь и была помещена картина. Только пока это знание ничего не давало и никак не продвигало вперед.

Когда Максимов вышел из церкви, уже стемнело, и только сейчас подумалось, - А где же можно переночевать?! - Майор закурил и был уже готов идти по домам, стучаться и проситься на ночлег.

- Никак переночевать негде? - Сзади из темноты раздался скрипучий старушечий голос.

- Да вот, незадача, - признался Максимов.

- Если не побрезгуешь, пойдем, место есть.

- Пойдем, - согласился майор, - выбирать не приходится.

Сгорбленная старушка в длинном черном одеянии скользнула вперед и, опираясь на палку, ходко пошла по улице. Получалось, что Максимов не без труда поспевал за старушкой.

Домик ее оказался в конце деревни, был скособочившимся и вросшим правым углом в землю. Хозяйка зашла первой, зажгла лампу, скинула на плечи платок и неожиданно распрямилась, заметно прибавив в росте. А когда обернулась, майор оторопел, на него смотрела молодая красивая девушка!

Что, понравилась? - Спросила девушка уже не скрипучим старушечьим голосом и улыбнулась.

Несостоявшаяся смерть

Огонек в керосиновой лампе еле теплился, его блики отражались на мутном стекле. По лицу девушки бежали тени, ее глаза искрились. И было непонятно, что это - все же отражение света лампы, или блеск бездонных темных глаз. От девушки веяло чем-то непонятным. Только что она была сгорбленной старушкой, потом девушкой и вдруг превратилась в статную женщину, даже даму с горделивой осанкой и особенным поворотом головы, неуловимо знакомую, но давно забытую.

- Подтопить бы надо, - Максимов тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения. - За ночь совсем выстудит.

- Дрова в сенцах, - ответила женщина и отвернулась, чтобы не смущать случайного гостя.

"В сенцах, - отметил про себя Максимов, - так здесь не говорят. - И пошел за дровами. А когда вернулся, то хозяйки в комнате уже не было, а дверь в комнатку за печкой оказалась закрытой. - Ладно, утром разберемся, - решил майор. Растопил печку, дождался, пока тепло пошло в дом, и прилег на узкую застеленную только матрасом кровать у стены. Спросить, где ему спать, было не у кого. - А дом-то совсем не обжитой," - последнее о чем подумал Максимов, подложив под голову согнутую руку, и уснул в чем был, сняв только сапоги и куртку с пиджаком. Правда курткой все равно пришлось накрыться, в доме все еще было прохладно.

Где и как только не приходилось Максиму ночевать, да и просто коротать ночное время. По сравнению с подстилкой из лапника и костром в лесу, сегодняшняя ночь оказалась просто удачной. Был дом, печка, в ней уютно потрескивали дрова и тянуло слегка дымком. А главное - тепло, и сверху не мочило! Все же майор почувствовал беспокойство и проснулся среди ночи. По выработанной службой привычке не пошевелился и глаз не открыл, а правая рука кстати оказалась на рукоятке макарова.

Дрова в печке еще не прогорели, потрескивали, в комнате было тихо, но чувство не тревоги, а беспокойства не проходило. И Максимов сначала уловил на себе чей-то взгляд, а потом и присутствие в комнате человека. Открыл глаза и увидел рядом с кроватью женщину с распущенными волосами и длинной до пола белой рубаше. Показалась и такая мелочь, она стояла на холодном полу босой. Лицо женщины в лунном свете разглядеть было нельзя. Но тут майор не понял, почувствовал, что знает эту женщину, причем хорошо.

- Ирина?! - тихо прошептал Максимов и приподнялся, опершись на руку.

- Здравствуйте, Петр Сергеевич, - спокойно ответила женщина, оставаясь на месте. - Узнали все таки?

- Вот только сейчас, - признался Максимов. - При лампе не узнал...

- При лунном свете значит?

- Выходит так.

- Пистолетик-то отпустите, - губы женщины тронула еле заметная улыбка.

- Да вы не бойтесь, это не про вас... привычка... Пол студеный... - вдруг заметил Максимов.

- Это вы о чем... неужто...

- Нет, Ирина Николаевна, совсем не о том, - Максимов сел на кровати, - Забирайтесь-ка сюда, а то вдруг простудитесь.

Ирина Николаевна устроилась на кровати, а майор накинул ей на плечи свою куртку, пошуридил в печке, подложил дров и поставил на плиту чайник.

- Вы не удивились моему появлению?

- Не знаю, как сказать... это о вашем появлении. А тогда в Старинске сомневался, так и не понял... вернее не поверил, что вас больше нет...

- А я ведь в доме отдыха ночью дошла до вашей двери.

- Постучать не решились...

- Наверное не так... не захотела... не захотела вас тогда, такого положительного с толку сбивать.

- Сегодня стучать не пришлось...

- И вот опять наши судьбы переплелись...

- Причем странным образом...

- А вы все такой же, не меняетесь.

- Не пытайте меня. - Попросил Максимов. - Вы же писали в записке, в той первой...

- Самое лучшее, если вы прогоните меня, - вспомнила Ирина. - Но там были еще слова.

- А если нет, - продолжил Максимов. - И это был вопрос. Сегодня я у вас и мне остается только уйти.

- Простите меня за эту выходку, - Ирина даже смахнула слезу. - Ничего не смогла с собой поделывать. Такой уж у меня характер...

- Артистический, - невесело усмехнулся Максимов.

- Здесь вы ошибаетесь, это искренно.

- Простите.

- И вы меня за минутную слабость. И не бойтесь. Куда вы в ночь? Не буду посягать на вашу целомудренность.

Ирина и Петр сидели на неудобной кровати рядом, выдерживая расстояние, пили чай, курили и долго молчали. Максиму было вдвойне тяжелее, он был мужчиной. Хотя о женских эмоциях трудно судить. Оба чувствовали тепло друг друга, не то, не физическое, совсем другое.

- Зачем вы здесь? - Наконец спросил Максимов.

- Вы теперь совсем другой, - Ирина не ответила. - Там, в Старинске - почти джентельмен, модный, в шляпе, манеры. А здесь? - И в свою очередь задала вопрос.

- Сдается мне, мы с вами по одной причине в этой деревушке, - заметил Максимов, - картина?

- Угадали.

- А вы, впрочем как всегда, в ударе - сгорбленная старушка, красивая девушка и опять же дама из вашей прежней жизни... Профессия артистки дает о себе знать.

- Вы правда считаете меня красивой? - Спросила Ирина, наверное неожиданно, возвращаясь к прежней, изначальной теме отношений ее и Петра.

- Правда, - вздохнул Максимов и тут же поправился, - только это ничего не меняет.

- Бойтесь меня по прежнему...

- Это никуда не денется. А с картиной вы опоздали. Зачем она вам? И откуда вы о ней знаете?

- Дайте мне подумать, хотя бы до утра, - попросила Ирина, встала с кровати и не прощаясь ушла в свою каморку.

Максимов был рад и не рад уходу Ирины. Подкладывать дров в печку не стал, в топке осталась зола, прикрыл трубу и лег на неудобный матрас. Не спалось. О чем он думал, трудно сказать, да и надо ли. Все же сон, причем крепкий, одолел уже под утро. Майор проснулся поздно, и события прошедшей ночи показались привидевшимся кошмаром.

Только дверь в комнатушку, где спала Ирина, оказалась открытой, загадочной женщины в доме не оказалось. А на столе лежал старинный блокнот в кожаной обложке. Максимов полистал его. Записей оказалось немного, не на русском языке. И кроме записей имелись три рисунка, сделанных наспех. Что было изображено на них, понять было трудно. Быть может старинный замок и комнаты в нем.

Человек из прошлого

Кровать, на которой остаток ночи спала Ирина Николаевна, была аккуратно заправлено. Как и не было в этой маленькой и узкой комнате за печкой никого. Узкое окно выходило на огород, запорошенный ночным снегом. А дальше виднелась речка Сырка, та самая, о которой шла речь в записках монаха Паисия. Рядом с кроватью помещался маленький столик, прикрытый белой скатеркой.

На столике осталась коробка сигарет, которые курила Ирина Николаевна ночью.

- А сигареты все те же, как и десять лет назад, - вспомнил Максимов, - ароматные и наверное некрепкие, дамские. Где она их достает? Никогда не видел таких сигарет. - Майор открыл коробку, приятный тонкий запах распространился по комнате, дурманивший и тревожащий. - Три сигареты, тонких и длинных, остались в коробке. - Раньше она курила их через длинный мундштук, теперь просто так.

Максимов закрыл коробку и положил на столик. Потом не торопясь осмотрел комнату - ни вещей, ни следов пребывания человека. Только коробка с тремя сигаретами.

- Подумала! - Догадался Максимов. - И сбежала. Впрочем, как и в тот раз. Тогда бриллианты оставила, теперь блокнот... опять откупились. Может не уехала еще? - Максимов вдруг поймал себя на этой мысли. Понял, не хотел расставаться с этой женщиной и вовсе не из-за дела, а совсем по другим причинам, наверное личным. - Может записку оставила, как и в тот раз? Вдруг в деревне, вернется еще. - Разные версии имелись у майора.

Максимова так и подмывало осмотреть аккуратно заправленную кровать, но руки не поднимались для такого дела. Было бы спальное место какого другого человека, даже не задумался. Сколько раз приходилось перетряхивать, как говорится, грязное белье. А тут нет, не мог даже одеяло приподнять. От постели все еще веяло женщиной, причем очень дорогой для Максимова.

- Да и что искать, - успокаивал себя сыщик. - Нет тут ничего. Лучше надо сходить к той другой, принимавшей груз из автобуса. Она тут за главного. Да узнать, не ушла ли в Голованово какая машина. Вот только про Ирину Николаевну как спросить? Никак. Если только про сгорбленную старушку попытаться узнать. Так у корреспондента, какой интерес может быть к такой старушке? Вот то-то и оно.

И тут Максимов услышал, как входная дверь в дом хлопнула. Даже сердце от этого звука екнуло. Майор обернулся, чувствуя себя крайне неудобно, зашел в чужую комнату без спроса. Все же была пусть слабая, но надежда, - Вдруг Ирина вернулась?! Хорошо, что постель еще не разворошил.

Но разочарование не заставило себя ждать. Кто-то по мужски виновато и деликатно кашлянул от двери. Максимов вышел из комнатки и увидел у входа в дом человека, проводившего вчера вечером службу в церкви, в длинной рясе и шапочке. Только поверх имелась еще куртка.

- Здравствуйте, - поздоровался Максимов и вопросительно посмотрел на вошедшего.

- Отец Паисий, - представился человек и виновато снял шапку. Волосы у него оказались длинными, собранными в хвост, а борода наоборот короткая и редкая, но оттеняющая худое лицо.

- Майор Максимов, - представился сыщик тем, кем был на самом деле. Понял, разговор с отцом Паисием должен быть серьезным и конечно откровенным. - По поводу кражи иконы к вам приехал.

- Я как вас вчера в церкви увидел, так сразу и понял, зачем вы тут. - Взгляд служителя был острым и прозорливым.

- Поговорим? - предложил Максимов.

- От чего нет, поговорим. - Согласился Паисий.

- Ну, тогда я сначала печку растоплю, чайник поставлю... Думаю, разговор у нас долгим будет.

- За этим и пришел... Есть о чем поговорить.

Пока Максимов занимался печкой, чайником, отец Паисий, присев за стол, внимательно наблюдал за ним. Майор чувствовал этот испытующий и оценивающий взгляд.

- А вы вижу деревенский? - Поинтересовался Паисий, когда и Максимов устроился за столом. - Только не из наших мест.

- Деревенский. А службу участковым в Юзьве начинал, - пояснил Максимов, - на севере области. Всякого повидать пришлось. А в ваших краях правда что, первый раз, не приходилось здесь бывать.

- Не знаю, с чего и начать, - Паисий задумался.

- Давай-ка вот с этого, - Максимов перешел на ты и тоже посмотрел на Паисия, только не испытующе, а с хитрецей. Ничего не объясняя, достал из рюкзака тубус, а из него пожелтевшие листочки с рукописью монаха Паисия. И вдруг спросил, сам не ожидая от себя. - Ты писал?

- Я, - ответил Паисий. Вопрос с чего начать, решился как бы сам собой. Но тут же возник другой. - А доверять тебе можно, майор?

- Тебе решать, - ответил Максимов, - и дело тут совсем не в майоре...

- А в чем?

- А в том, в какие руки эта картина попадет.

- Так попала уже, сам знаешь, украли...

- Украли как что? Как картину, или как икону?

- Значит до сути ты и не дошел, майор...

- Выходит так, - Согласился Максимов.

- Так и я не знаю, зачем она сотворена, - признался Паисий.

- Как бы беды большой не было, - вдруг предположил Максимов. - Вот только какой?

- И я о том же думал, - Паисий тяжело вздохнул. - Только ничего не придумал... А ты как догадался, что я тот Паисий... из прошлого?

- Ты же сам про это написал, - Максимов нашел нужный листок рукописи, - вот тут... - как крестиками с Христом поменялся, про кокон, про скалу Туганку, первый луч Солнца. Ну и далее... Христу с Назией первые в будущее шагнули. Ну а ты выходит следующим был и картину Райды с собой взял...

- Картину не брал, - поправил Паисий, - она в церкви так и висела, и рукопись, монастырь тогда тут был, в нем оставалась.

- Ну да, - согласился Максимов, - об этом я и не подумал.

- Значит рукопись мою все же нашел. - Паисий подвинул листочки к себе и начал их перебирать, вчитываясь в отдельные места и посмеиваясь. - И ты во все это поверил?

- Поверил. На северах и не с таким сталкивался... Это еще что!

- Ну а картина где же?

- Вот про картину пока ничего не могу сказать. Труп уже есть, подозреваемая, пока больше ничего... Как же картину и рукопись могли из церкви упасть?

- Рукопись у меня лежала, я при церкви живу, домик там есть. А картина... церковь толком не закрывается. Заходи кто хочешь и бери... Но, если внимание обратил, там и побогаче вещи есть, а она... Если ее взяли, значит за ней шли... Тут старушка у нас недавно появилась, пришла иконе чудодейственной помолиться... в этом доме жила. Не она сподобилась? Пришел у ней спросить.

- Нет уже этой старушки, - Максимов пожал плечами. - Только рукопись твоя в областном центре найдена, оклад от иконы, картины этой, тоже там... Так что, думаю, старушка эта не при чем. - Максимов все же нелегко вздохнул. - Опоздала она иконе помолиться... А Христов крестик у тебя?

- Вот, - Паисий с готовностью достал из под рясы шнурок с крестиком и давно сросшимся тряпичным коконом на шнурке. - Заберешь? Я отдам, если надо.

- Для интереса спросил, - пояснил Максимов. - Носи, он тебе нужнее.

- На этот счет ничего не знаю. Сдается мне, каждый может только раз солнечный луч на Туганке поймать и в будущее шагнуть.

- До пещеры проводишь? - Спросил Максимов. - И один могу дойти. Да времени больше уйдет.

- Пойдем, - тут же согласился Паисий. - Сейчас выходим?

- Что время тянуть... Только чтоб пол деревни за нами не потянулось.

И так можно.

Бегство

За пустовавшим домом, где останавливались Ирина и Максимов, с краю деревни имелся плохонький мостик. Даже и мостиком-то назвать его было трудно, так, переход через речку Сырку в две доски. Паисий вышел первым Максимов последовал за монахом или батюшкой, и так, и так можно было назвать этого человека. Прошли они огородом за домом, перешли через речку и пошли дальше лесом вверх по течению. Деревня на правый берег Сырки не переходила. В ночь подморозило и утром не отпустило, выпавший снег не таял и приятно похрустывал под сапогами.

- Дальше приток будет. - Пояснил Паисий, не удаляясь от берега. - Первый раз я вдоль него и пошел, ну и плутанул малость, заночевать пришлось... Вот тогда Райда и подсказал, как правильно идти.

- Помню, писал ты об этом, и как вы у костра сидели. - Подтвердил Максимов. - Про хлеб, который целым остался...

- Да, чудес на земле хватает, - подтвердил Паисий. - Там приток в брод придется переходить, холодно. Я-то оба раза летом был.

- Когда переберемся, обсушимся?

- И так можно, - согласился Паисий. - Посмотрим, сколько воды в этом году.

А воды в притоке хоть и оказалось меньше обычного, но все равно получилось выше колена. Пришлось путешественникам оголяться и перебираться вброд босиком. Вода была ледяная, бодрила хорошо. Но костер на том берегу разжигать не стали, оделись, обулись и пошли дальше, надеясь к вечеру добраться хотя бы до Туганки.

- Вот тут острог стоял, - Паисий остановился на излучине Сырки. - Лет семьдесят тому назад я здесь последний раз в эту сторону прошел. Сторожевая башня, остатки ее, еще можно было увидеть. А когда обратно возвращался, только куча камней осталась. Вот она, - Паисий кивнул на неприметный заросший холмик.

- В гражданскую здесь бои могли быть, - добавил Максимов, - хотя так далеко вряд ли забирались.

Следующая короткая остановка была на месте старообрядческого скита. Но добавившиеся семьдесят лет окончательно стерли даже его остатки. Исчезает человек, и природа быстро стирает следы его пребывания на земле. У Туганского камня расположились уже по темноте, развели костер и решили переночевать. Натопили в котелке снега, вскипятили и заварили чай. У Максимова запас с собой имелся, впрочем как и еда. Хлебом и салом майор запаса по старой памяти.

- Гляжу много ты по тайге походил, - заметил Паисий. - Впрочем и я немало тропинок за свою жизнь отмерил...

- И повидал наверное всякого?

- А как же, - усмехнулся Паисий, - рассказать не пересказать.

- Ты бы собрался, да писать начал. Интересно почитать, и не только мне. Не одну книгу наверное получилось бы издать.

- Да как-то после первой рукописи не тянет меня к этому делу.

- А что так?

- Попалась тут в руки одна книжонка, - Паисий с досадой махнул рукой, - да что там говорить... одно слово, не было такого никогда.

- Вот и надо до людей правду донести.

- А нужна она, правда-то? Молчишь? То-то.

Разговор как-то сам собой заглох. Максимов и Паисий дежурили у костра, подбрасывали дрова и дремали поочередно. Уже под утро Максимов разоспался, никто его не разбудил, а

когда открыл глаза, то Паисия не увидел. Исчез и его довольно внушительный сидор. Перед уходом монах успел забежать за ним в свой домик у церкви. Майор сразу почувствовал неладное. Хотя почему неладное, может так и надо было.

Снега за ночь опять припорошило. Зима хоть и не торопилась, но день за днем брала свое. Следы Паисия хорошо отпечатались и вели к тропинке, ведущей на вершину Туганского камня. Максимов последовал за монахом, взобрался наверх и увидел на вершине только утоптаный снег.

- Он же мне говорил, что каждый человек только раз может воспользоваться переходом, - вспомнил Максимов и начал рассуждать. - Так что, решил рискнуть еще раз? Не сказал вчера, что собирается дальше отправиться. И куда его теперь занесло, как далеко? Вообще, от чего это зависит? От случайности, или все же от человека? Может и не хотел, да отправили его дальше. Там он нужен, а здесь выполнил свое... Хотя сидор он не для прогулки на день в тайгу собрал... Может со мной больше не захотел про кражу и убийство говорить? Почему нет, если знал что-то - следствие, допросы. Как минимум свидетель! Не со мной за чаем поболтать.

Максимов огляделся, понял, в какую сторону идти к пещере и хотел уже спуститься вниз. Но в утопанном снегу что-то блеснуло. Майор наклонился и поднял шнурок с крестиком и тряпичным коконом, - Вот значит как! Отправился Паисий с первым солнечным лучом до места своего конечного назначения. А шнурок?! Что он, сам с шеи упал? Так не порван вроде. Может Паисий его снял и руку в последний миг разжал? Тогда мне крестик оставил, так выходит. Вот только в будущее мне никак нельзя, и так дел хватает, семья, Даша, сын... А может Паисий исчез, а крестик хотя и был на шее здесь остался. Опять же мне оставили, не Паисий, а неведомое, нашим миром управляющее...

Не стал Максимов конечно надевать шнурок себе на шею, положил в карман и спустился вниз. Пора было идти дальше к пещере. Правда зачем, он и сам еще не знал. Действовал больше по наитию, приходящему неизвестно откуда и как. Знал, нельзя над такими вещами задумываться, иначе можно было все испортить, или даже сделать что-нибудь непоправимое, фатальное.

Вот и в этот раз майор вышел из леса правильно, до отрогов Урал Камня оставалось совсем недалеко. Только почувствовал на себе взгляд не враждебный, не тяжелый, но знакомый и очень дорогой. Взгляд был не в спину, а в лицо. И чем ближе Максимов подходил к каменной стене, взгляд становился все более явственным. Уже виднелось темное отверстие пещеры, стало возможным разглядеть и участок гладкой вертикальной стены, а потом и все еще сохранившийся портрет женщины.

Ирина Николаевна?! - Максимов остановился метрах в двадцати и растерялся, что случилось с ним крайне редко.

Реальность и наваждение

- Не может быть, - прошептал Максимов, не смея сделать хотя бы шаг вперед. Он хорошо знал, когда был нарисован портрет на скале, лет семьсот назад. И нарисована была Миролюба, жившим с ней Райдой.

А тут еще из ниоткуда словно потянуло ароматом сигарет, которые курила Ирина Николаевна. Майор даже пошвыркал носом для верности, и точно - приятный запах не пропал, а даже усилился, стал более явственным!

- Наваждение, - продолжал шептать Максимов, затем растер лицо выпавшим ночью снегом и наполнил им враз пересохший рот.

Вроде полегчало, аромат сигарет развеялся, и майор все же смог сделать несколько шагов вперед по скрипучему снегу. И тут произошло еще одно чудо, а возможно наоборот, просто наваждение развеялось. Вблизи портрет женщины даже не напоминал Ирину Николаевну. А краски хотя и не выпцвели, но сильно потускнели. О каком-то сходстве с Ириной вблизи говорить вообще не приходилось.

Максимов провел рукой по изображению, как бы стряхивая с него пыль и снежинки. Камень оказался холодным и шершавым. - А ты что, хотел? - Усмехнулся Майор. - Тепло почувствовать и бархатистость кожи? - К слову будет сказано, Петр Сергеевич только раз коснулся руки Ирины Николаевны, да и то совершенно случайно, когда помог ей прикурить, чиркнув зажигалкой.

- Собственно и делать-то мне здесь нечего, - продолжал рассуждать Максимов. - Надеюсь, Паисий что пояснит, даже если и не пояснит, то вспомнит мелочь какуюнибудь, подробность. А он сбежал, и непонятно, разные могут быть на то причины - случайность, собственно бегство... А может кто и подтолкнул его к такому... Ирина Николаевна, например. - Привидевшийся образ загадочной женщины теперь не давал покоя майору.

Тем не менее, надо было что-то делать. Хотя бы устроиться на ночлег, если и не нормальный, то не под открытым небом. Максимов залез в пещеру и обнаружил, что некогда закрывавший вход притвор давно развалился. И в небольшом гроте произошли изменения. Паисий писал, что в холодном и сухом воздухе пещеры тело Христо высохло и стало похожим на мумию.

Теперь же остались одни кости, время взяло свое. А оловянный крестик Паисия на шнурке, когда-то одетом через голову мумии, провалился между ребрами в грудную клетку. Максимов подумал вернуть крестик и кокон, ранее принадлежавший Христо, даже достал его из кармана, но не стал этого делать. Чутье подсказывало, надо оставить его у себя. Правда для чего, вернее кому он мог понадобиться, майор не знал, понимая, что сам не воспользуется переходом в будущее. Причем пришло осознание - держали даже не семья, служба, а ненужность в будущем и полная неизвестность. Надо было понимать и чувствовать свое предназначение.

Максимов убрал крестик обратно в карман, натаскал в пещеру сушняка, которого в округе хватало, развел в очаге костер. Внутри тут же стало светлее. И повесил над огнем котелок. В этот раз вода была не снеговая, а из каменного колодца, сделанного когда-то Райдой. Дым уходил вверх и просачивался через трещины в скале наружу. Вот только через лаз в пещеру холодом с улицы тянуло основательно. Майору не осталось ничего другого, как завесить его своей сталеварской курткой.

Косточки Христо Максимов трогать не стал, посчитал это кощунством, и устроил себе спальное место все из того же лапника в дальнем углу пещеры, где когда-то отдыхали Мира, Люба и Назия, каждая в свой век, в свое, отведенное провидением время. Тут же сохранились и деревянные доски, которыми пользовался еще Райда, готовя свои во истину волшебные

краски. Только в них теперь даже разноцветной пыли не осталось, а со свода пещеры накрошилось мелкой крошки.

Петр позволил себе протереть их, посчитав, что никакой беды от этого не случится, и аккуратно сложил у стены, вложив меньшие в большие. Плошки были теплыми, но никакого чуда в этом не усматривалось. Просто дерево, пусть и мертвое, всегда оставалось теплым. Удивиться можно было другому - плошки не потрескались, пролежали века, а оставались как новые.

Среди кухонной утвари нашлась чугунная сковородка. Максимов сдвинул вскипевший котелок в сторону, засыпал в него заварки, оставил настаиваться. А на угли поставил сковороду и положил на нее несколько ломтей сала. Вообще-то соленое сало, да еще с мороза, хорошо нарезать тонкими ломтями и есть с хлебом так. Но Максимов любил и другое, если можно сказать блюдо. Хотелось горячей еды. Жир вытапливался, Петр макал в него ржаной хлеб, а поджарившееся сало резал на маленькие кусочки и отправлял следом в рот.

Как автор, не берусь судить о пользе или вреде такой еды, но доводилось и мне так питаться. Честно скажу, под рюмку закуска исключительная. Конечно если ничего другого под рукой нет. Ну ладно, вернемся к Максиму.

А он таким образом сытно поев, запил все горячим чаем и остался очень доволен. Настроение у майора после бегства или исчезновения Паисия поднялось. Он вылез из пещеры, надев куртку сталевара, и решил осмотреть окрестности. На портрет Миролюбы, так Максимов для себя решил, не оглядывался во избежание новых ненужных ассоциаций. Надо отметить, и запах сигарет Ирины Николаевны больше не ощущался. Морозный воздух был свеж и приятен по своему.

Сначала майор нашел захоронение человека, пытавшегося похитить картину еще во времена Христо. Каменная насыпь никуда не делась, только поросла травой, пожухлой в осень. Максимов попытался понять, что имел ввиду Паисий, написав, что рядом с этим местом смердило. Но ничего не почувствовал. Морозный воздух был также свеж. Быть может время сделало свое дело, выветрив остатки злых помыслов человека, так и оставшегося неизвестным.

Могила Райды Максимов нашел с трудом лишь благодаря описанию места Паисием. Крест давно пророс, а теперь превратился в развесистую березу весьма приличного возраста. Ствол дерева был неровным, белую кору покрывали черные оспины, она местами треснула, образовав своеобразные раны. Перт прикоснулся к дереву осторожно, кора была холодной. И после этого касания, как порыв ветра пронесся в вышине, и ветви березы зашумели.

- Спи спокойно, - прошептал Максимов, не потревожу тебя. - Слова относились и к Райде, и к дереву. Да оно наверное и стало воплощением древнего художника.

Затем Петр решил восстановить притвор в пещеру. Маленький топорик и нож из набора, крепились к одной рукоятке и были приобретены Максимовым недавно, оказались очень удобными для недолгих походов в тайгу. А притвор пришлось собирать из тонких березок внутри пещеры, через небольшое отверстие занести его внутрь было нельзя.

Поправил Максимов и каменный колодец, из которого брал воду на чай. Об удивительных свойствах этого колодца Паисий тоже написал. Вода в колодце действительно обжигала. И трудно было понять, что это - холод или жар. Очень хотелось погрузиться в колодец, в эту каменную яму, но Петр не стал рисковать, очень хорошо помнил незамерзающий источник вечного деда Матвея, в котором умылся и воды из которого напился.

Не сказать, что это было плохо, скорее наоборот, мир стал восприниматься совсем по другому, появились новые оттенки. Только внутренние изменения в тот раз надолго выбили Максимова из нормального состояния. А чай на воде из каменного колодца оказался вполне обычным. Так решил Петр, вскипятив воду. За делами и день прошел. Осенние дни еще не самые короткие, но уже не летние, темнеть начинало рано.

- Разожгу-ка я пожалуй костер у пещеры, - решил Максимов, захотелось ему посидеть у огня на свежем воздухе, пусть и морозном. - Да заварю еще свежего чайку.

Костер разгорелся быстро, и чем пламя становилось ярче, тем больше сгущалась тьма вокруг, так казалось. Вода в котелке закипела быстро, Петр отодвинул его в сторону на край перекладки и сыпанул заварки побольше, чтобы покрепче получился. А потом и сковородку пристроил на угли, решив опять пожарить сало. Оно быстро зашкворчало на растопившемся жире, распространяя вокруг вкусный запах.

- Ну, теперь только гостей ждать, - проговорил вслух Максимов, переворачивая пластики сала на сковородке. Сказалось это как-то само, вроде даже невзначай. Хотя как знать.

- А вот и я, - в круг света вышел бородатый человек в домотканой одежде, - Звал? На запах пришел, уж очень сало твое аппетитно пахнет. Не утерпел.

- Звал, - Петр вроде как и не удивился, помнил, как к костру Паисия собрались бывшие обитатели пещеры. - Сесть вот только не на что.

Знаю, я вот тут по дороге чурбачок прихватил, - бородач поставил у костра деревянный обрубок и примостился на нем.

Рассказ ночного гостя

- Угощайся, - Максимов подвинул сковородку ближе к пришедшему из темноты бородачу, отрезал от каравая приличный кусок хлеба и протянул гостю. - Сало ножом подцепляй, горячее. Тебя Райда зовут?

- Зови так, - неопределенно ответил бородач, не объясняя, и сам поинтересовался, - А ты из новых?

- Это как? - Не понял Максимов.

- Ну из нынешних значит.

- Считай, что так, - усмехнулся майор, - Петром зовут.

- Вот и познакомились.

- А ты хлеб в сковородку мажай, вкуснее будет, - посоветовал Максимов.

- И правда что, - Райда попробовал и похвалил. - Все в прок.

- Не пробовал так раньше?

- Не приходилось, свиней у нас не держали.

Помолчали, пока ели. Сковородку умяли полностью, от каравая осталось совсем немного.

- Не объел я тебя? - Поинтересовался Райда.

- Завтра в Колучино все равно возвращаюсь.

- А тут что делал?

- Картину украли, ну ту, которую ты нарисовал.

- Хорошие дела, - встревожился гость. - Ты стало быть по сыскному ремеслу будешь?

- Сыскарь, - согласился Максимов. - Раньше нас также звали?

- Как только не звали, - неопределенно ответил Райда и поинтересовался, - А Паисий где.

- Вчера пропал, - майор пожал плечами, - не знаю, что и думать. Вот, шнурок с крестиком остался. - Максимов достал из кармана найденный предмет. - С ним-то что делать?

- У себя оставь.

- Себе? - Уточнил майор.

- Говорю же, у себя... не потеряй, храни пока.

- Как скажешь, - согласился Максимов и убрал крестик обратно. - Про Паисия, что думаешь?

- А что тут думать, - Райда пожал плечами, - человек слаб. А картина ему была доверена... Не уберег он значит, сыскарь?

- Не стал бы я так говорить...

- Не знаешь?

- Нет, - сознался Максимов, - а напраслину на человека наводить не хочу.

- Это как? - Не понял Райда

- Ну... оговаривать.

- Понятно. Оговор, он дорогого стоит.

- Вот и я о том же... Не пойму вот что. В церкви много добра разного, золота, серебра, а взяли твою картину. Иконой она считалась, причем чудотворной.

- Придумал себе человек забаву, - усмехнулся Райда и спросил, - А в котелке твоём что?

- Чай, пей, - предложил Максимов. - Раньше в этих краях такого не было.

- И правда что, - согласился Райда. - Такой травы в наших краях не растёт.

- А это и не трава, - пояснил Максимов, - лист с кустарника, высушенный и измельчённый.

- Чудно, - Райда отпивал горячий чай из котелка маленькими глотками, - но вкусно, особенный запах от него.

- Паисий рассказывал, - Максимов не стал вдаваться в подробности рукописи монаха, - что с тобой в тот раз и Христо приходил, а потом и Миролюба появилась. - Майор сидел к портрету на скале спиной и почувствовал, как по ней пробежал холодок.

- Было дело, - вопрос не понравился Райде, - Да не виделись мы с тех пор больше... И Стража Паисию оставил. Не говорил про него ничего?

- Про собаку что ли?

- Значит говорил...

- Сказал только, что ты Стража ему оставил, а больше ничего.

- Пропал стало быть?

- Так выходит. А Паисия я бы винить не стал, - Максимов вернулся к вопросу Райды. - Просто на одном месте он усидеть не может...

- Бывает, - похоже Райда соглашался со всем. А может майор каждый раз попадал в самую суть.

- С вашей той встречи лет семьдесят уже прошло, а он таким и оставался...

- Поймал значит луч, - понял Райда.

- Он мне говорил, что можно только раз, - уточнил Максимов.

- Кто же это знает, никто знать не может...

- Я так же подумал. Вот сегодня он еще раз и попробовал.

- Ну, теперь за свою судьбу он сам ответчик... А крестик просто так с шеи упасть не мог.

Шнурок-то целый?

- Целый. И не в руке же он его держал?

- И я о том же.

- А ты как думаешь, с лучом только время ускоряется? Ну вперед бежит?

- Ничего не думаю, и говорил уже, думать тут нечего...

- Может о картине своей расскажешь? - Максимов попытался вернуть разговор к украденному артефакту. - Паисий говорил, что изображения, ну образы на ней не каждому показываются. Их на самом деле два?

- Миру рисовал, - пояснил Райда, а почему она на картине за старца спряталась... сам не знаю. И кто старец тот, тоже невдомек.

- Сейчас говорят, что Николай Чудотворец.

- Не знаю, кто такой.

- А про Миролюбу, что Богородица... Старец чаще показывается, а Богородицу только раз и видели... По всему выходит, шедевр ты нарисовал.

- Говорю же, странные люди...

- А ты себя больше человеком не считаешь? - Максимов спросил и тут же пожалел об этом.

Райда замолчал и вроде даже как уходить собрался.

- Ты прости меня! - Тут же поправился майор. - Не то хотел сказать...

- В самую точку ты, - перебил Райда и смотрел теперь мимо Максимова ему за спину, смотрел чуть ли не с испугом.

И Петр опять почувствовал озноб в спине, невольно обернулся и успел увидеть, как блеснули глаза на портрете Миролюбы.

- Не сама ли решила пожаловать? - Прошептал Райда. - Пора мне, сыскарь. Одно знаю, таких картин семь должно быть. Каждая нарисована отдельным человеком... А вот зачем? Только она знает... С каждым жила, ремеслу учила, как и меня. Со мной дочь прижила, как с другими, не знаю... - Вроде эти слова Райда говорил не торопясь, но когда Максимов повернулся к костру, то гостя уже не оказалось, остался только деревянный чурбачок.

Петр встал с бревна, оказывается ноги затекли и распрямились с трудом. К костру по неглубокому снегу вели два следа Райды. Бородач пришел со стороны, где был когда-то похо-

ронен, от березы, выросшей на его могиле, а ушел почему-то к лесу, совсем в другом направлении.

Миролюба, которой почему-то испугался Райда, не появилась. Максимов подошел к ее портрету и опять потрогал. Скала оставалась по прежнему холодной и шершавой. А мелькнувший в темноте искрометный взгляд можно было объяснить тем, что просто померещилось в темноте. Искры от костра могли сыграть такую шутку.

Пошел снег, пожалуй первый раз за осень падал крупными хлопьями. Костер почти догорел, и остававшиеся мерцающие угли недовольно шипели. Петр забрал котелок с остатками чая, пустую сковородку и ушел спать в пещеру, перегородив вход новым притвором.

Следующий день выдался пасмурным. Снег прекратился, но за ночь его навалило прилично. Максимов не стал разводить огонь в очаге, тем более в уличном костре. Доел горбушку каравая и запил оставшимся с вечера холодным чаем. События прошлого вечера утром стали казаться сном. Разговор с гостем помнился плохо. А приходил ли он вообще, определить было невозможно.

Снег спрятал все следы, если такие и были. Правда под ним возвышался чурбачок, на которым сидел бородатый гость. Только этот обрубок дерева мог быть здесь и раньше. Возможно Максимов сам поставил его, но так и не расколол, дров хватило. Сковородку жареного сала мог тоже съесть один, впрочем как и хлеб.

Петр закинул рюкзак за спину и отойдя от пещеры все же обернулся, хотя тем самым нарушал свое же правило, выработанное годами службы. Портрет Миролюбы хотя и был на вертикальной стене, залепило ночным снегом, он как бы спрятался от взглядов людей, впрочем крайне редко посещавших это место. Максимов больше не почувствовал никакого взгляда, место как опустело, и отправился в Колучино, куда надо было добраться до ночи.

Странные и нелогичные явления

Обратно в Колучино идти было уже труднее, снегу за последние три дня в лесу прибавилось. Поэтому и времени на дорогу ушло больше. Но следы Максимова и Паисия все равно окончательно не замело, они хорошо виднелись, даже когда стемнело.

Майор возвращался не то что расстроенным, но настроение у него было не очень. Надеялся узнать новое по делу, а не получилось. Подтвердилось только, что пещера, где жил Райда, нарисовавший странную картину, действительно была, и даже скелет в ней лежал, предположительно Христо. В целом подтверждалось написанное Паисием в рукописи, но и только.

В тайге за свою жизнь Максимов навиделся всякого, можно даже сказать странного. Сначала удивлялся, потом привык и теперь относился к разным непонятным явлениям, да и к поведению встречаемых людей, очень спокойно. Иначе можно было такого себе накрутить, что и жить было бы трудно. А тут надо было еще и прямой работой заниматься, раскрытием преступлений и розыском лиц, их совершивших.

Шел Максимов по лесу, в три дня превратившемся из осеннего в зимний, потирал уши, в который раз жалея, что не было шапки, только фуражка, и вспоминал вчерашний разговор с Райдой. Так для себя решил - Райда приходил, разговор был. А об остальном - реально произошла встреча у костра, или только приснилась, не думал. Так и работала теперь выработанная привычка.

Осталось конечно непонимание. Семьдесят лет назад Паисий у такого же костра, только в лесу, угощал Райду хлебом, травяной чаек они пили. А утром хлеб, который Райда съел, да еще нахваливал, остался вдруг на бревнышке нетронутым. Были и еще непонятности. Например Райда руку протягивал через пламя костра и не обжигался, да и другое такое же.

Вчера Максимов вместе с Райдой съели сковородку сала, хлеб в натопленный жир макали. И если следовать той же логике, то и сало должно было остаться. А с другой стороны майор мог и один его съесть, как и котелок чая выпить. Ничего в этом особенного не было. Срабатывала защитная реакция сознания - не хотелось принимать невероятное.

Был конечно еще один вариант - к костру мог просто случайный человек выйти. Сказал же он, зови как хочешь. То, что знал про картину, Миролюбу, так тоже объяснимо - легенд разных много по округе ходило. Мог человек их наслушаться и поддaticавть, попадая в тему. Это опять же все из защитной реакции того самого сознания, или разума человеческого. Как хочешь, так и называй, что хочешь, то и думай.

Ну что ж, картина была тут нарисована, даже плошки из под красок остались. Да и на скале портрет имелся: "Ирина Николаевна, - Максимов даже усмехнулся, - надо же, привидится такое! - Но вдруг майор остановился и обернулся. Пещера, портрет на скале остались далеко позади. Но вдруг как в спину кто-то глянул. Причем майор даже почувствовал насмешку. Остановился, закурил и с места не тронулся пока в руке не остался крохотный окурок, обжигающий пальцы. - Тфу, ты! - Максимов бросил остатки сигареты в снег и в сердцах сплюнул. - Как хочешь рассуждай. А есть оно, это самое. Сколько раз себе говорил, - не оглядывайся!"

Майор поправил рюкзак и решительно пошел дальше. А мысли так и текли, прокручивая вчерашние события, да и более ранние, связывая одни с другими. - Если бы Паисий не испугался, мог еще многое рассказать. Чувствовалось, хотелось ему поговорить, да и сало понравилось, если он все же ел его. И вот ведь он что сказал! Оказывается семь таких картин должно быть, или есть. И каждую рисовал отдельный человек. Вот только где эти художники, в каких местах, да и в каких странах, и в какое время жили?! Все же непростые это картины, как и краски, да и сами художники. Райда один чего стоит. Другие такие же наверное. Тогда понятным становится, почему из церкви именно эту картину украли. Ценность у ней особенная, и

не в деньгах она выражается наверное. Как говорить? Артефакт, так кажется. И нужна эта картина не для того, чтобы на не в музее смотреть, тем более в церкви молиться.

Миролюба тоже странный персонаж. Женщина ли она вообще? Если отбросить реальность и допустить все же то, другое. И Райда, испугался ли он ее возможного появления? Может просто видеть не захотел. О дочери не упомянул. И если картин семь, то женщина эта еще с шестью мастерами жила, краски особые делать, рисовать учила. И не евнухами же мастера были. Может действительно здесь собака зарыта и причина бегства Райды?

Если опять же допустить то самое. Почему мне вдруг в портрете сходство с Ириной Николаевной показалось? Два раза по жизни мы с этой женщиной пересекаемся. Что ей от меня надо? Ночами ходит. Ну, тут никаких сомнений, зачем ходит. А может и не только ей меня как мужика надо? Бриллиантами в тот раз откупились... А откупились ли? Не все так просто, линейно. В этот раз блокнот оставила. Записи в нем на каком языке? Не на немецком точно, учил все же. На английском? - И тут Максимов опять остановился как вкопанный, только не от взгляда в спину, совсем от другого. - Стоп! Там же еще рисунки есть!

Майор остановился, сбросил рюкзак и достал блокнот в кожаной обложке. В лесу было еще светло. - Вот оно! Первый рисунок - замок, второй - зал, видимо в этом замке. И зал вроде как круглый, нет не круглый. Семь простенков с нишами! Непонятно только, в нишах есть что-то или пустые? Как рамки в этих нишах. Не для картин ли?! Не для тех ли самых семи картин? Тогда понятно, почему из церкви именно эту картину украли... А что будет, даже что случиться, если все семь картин в ниши повесить?!

Но это Максимов уже так, наверное фантазировал. Должно же было существовать хоть какое-то объяснение кражи картины из церкви в далеком, никому не известном селе. Может конечно это просто чья-то частная коллекция, и картины специально для нее рисовались. Мало ли какие любители есть, и собирать они могут разное.

О Паисии как-то не думалось. По какому-то, пусть и небольшому счету, монах свое дело уже сделал и предназначение выполнил - донес людям историю картины с невидимым изображением, вернее видимым только при каких-то особых обстоятельствах. Пропал человек и пропал. Сколько таких одиноких бродяг Максимов встречал в тайге. Причем далеко не все они были здоровы и даже живы.

Приток Сырки майор преодолевал уже в темноте и видимо сбился, попал на более глубокое место. Поэтому снятые брюки и сапоги не спасли, вода местами доходила чуть ли не выше пояса. Максимов замерз, даже не то слово, околел, и еле выбрался на противоположный берег. Тут уже было не до просушки. Отжал как смог мокрую одежду, оделся и не просто пошел в сторону Колучино, побежал, чтобы хоть как-то согреться.

В деревне оказался уже ночью, добрался до домика, в котором ночевал, куда его привела Ирина Николаевна. Честно говоря, когда домик показался в конце улицы, майор надеялся увидеть в его окнах свет. А вдруг?! А вдруг Ирина Николаева вернулась?! Но нет, такое ожидание опять же было из области фантазий, невозможного. Домик стоял темным и конечно холодным. Хорошо, что дрова были заготовлены. Печка растопилась быстро, но потеплело конечно не сразу. Максимов разделся, развесил сырую одежду на просушку, а сам устроился у открытой топки. Так можно было быстрее согреться.

Утром Петр почувствовал, что преодоление брода дало о себе знать - запершило в горле, и голова стала как чугунок. Может и температура поднялась. Только нянчить зарождающуюся болезнь было некогда. Пора было заявить о себе, как о сотруднике милиции. И Максимов пошел в центр села, где в одном доме размещались почта, магазин и местная власть. Всем заведывала решительная женщина, виденная Максимовым по приезду.

- Ну вот, и корреспондент наконец нашелся! - Встретила она его недовольно.

- Майор милиции Максимов, - сыщик предъявил служебное удостоверение.

Здрасьте, - растерялась женщина. - А мы уж думали до нашей кражи и дела никому нет... Отца Паисия так и нет четвертый день. Глядишь, остатки с церкви растащят... Вы его случаем не встречали?

Недовольные жители деревни

Любовь Семеновна Говорова выполняла в Колучино сразу несколько важных функций, если так можно было назвать работы, за которые она отвечала. Командовала сельскохозяйственной артелью, почтой и единственным в деревне магазином, в котором продавалось все, начиная от продуктов до одежды и прочего. Если с первыми двумя направлениями она справлялась вполне официально по своей должности, то магазином заведовала уже в нагрузку. Прежняя продавщица вышла замуж и уехала с мужем на заработки, нового человека пока не было.

Честно говоря майор Максимов, приехавший в деревню сначала неофициально, не произвел на Говорову хорошего впечатления. А оценивала она его с двух сторон. Какое у него было звание в удостоверении, она не разглядела, а из произнесенного вслух - майор Максимов, запомнила только простенькую фамилию. И этот Максимов оказался одет не очень, а может так выглядел после отлучки из деревни на несколько дней в тайгу. Ладно еще утром побриться Петр успел. Тут уже добавилась вторая, мужская сторона, оцененная незамужней женщиной скорее вообще нехорошо.

Наверное и разговор поэтому не задался, хотя Любовь Семеновна отметила про себя, что приехавший сотрудник органов пытался установить с ней контакт. Она восприняла эту попытку не как заведующая артелью и прочим, а опять же с точки зрения незамужней, видящей в каждом мужчине потенциального если и не мужа, то человека, пригодного для разных других дел и нужд. Пусть читатель не думает о том самом плохом, а может и хорошем. На первый план у Любви Семеновны выходила починка тесовой крыши в зиму на ее личном доме, где подтекало с угла.

- Отец Паисий не появлялся? - Спросил Максимов.

- Так я и говорила, четвертый день его в деревне нет. Не уходил он раньше так надолго. Все здесь и здесь... Прихожан в церкви нашей хоть и немного, но ропщут бабушки.

- А церковь закрыта?

- Дверь закрыта, а в окно влезть можно, старое же все...

- Ключ от церкви у вас?

- У меня, у кого же еще.

- Давайте-ка вместе сходим, посмотрим, что там делается.

- Почему не сходить. - Любовь Семеновна взяла ключ от навесного замка и пошла к церкви, не оглядываясь на Максимова. Тот поспешил следом, и как-то все это выглядело не очень, тем более перед другими жителями деревни. Получалось, впереди идет хозяйка, а сотрудник милиции семенит следом.

- Где картина висела? - Недовольно спросил майор, зайдя за Говоровой в церковь, хотя в первое свое посещение отметил в иконостасе пустующее место.

- Тут и висела. - Любовь Семеновна прошла в правый темный угол. - Говорят вы были на службе, когда приехали.

- Заходил, - согласился Максимов, - И что?

- Могли у отца Паисия спросить...

- А если не спросил?

- Вот тут она и висела, - Говорова показала рукой на иконостас, не отвечая на вопрос.

- Оклад у картины был?

- Был, - ответила Любовь Семеновна. - А почему вы икону все картиной называете?

- Так как-то, само получается, - пояснил Максимов и понял свою промашку. - Я ведь человек не верующий. А вы?

- Какая уж тут вера, - Говорова оглядела церковь, - не до веры мне, хозяйство вон какое! За всем глаз да глаз нужен... А тут еще кража эта.

- Отец Паисий давно у вас?

- Да так и не скажу сразу. - Людмила Семеновна пожала плечами. - Лет десять, до меня еще появился...

- А вы разве не местная?

- Отвечать обязательно?

- Нет, - Максимов не стал настаивать.

- Все равно узнаете, если надо, - грустно усмехнулась Говорова.

- Если надо, конечно... Я о другом, об отце Паисии. Как он здесь появился? Ну... из церковной службы его кто-то привез, представил? Мне это важно.

- Лучше у бабы Оли спросить, она тут всю жизнь при церкви.

- А ей сколько лет?

- Да кто же точно знает... Метрики часто со слов составлялись, а церковные книги... Никогда в них не заглядывали?

- Не приходилось.

- Часть давно утеряна, так что все примерно.

- Это что касается царского времени?

- Ой, да что вы! В этом захолустье власти долго никакой не было. Где-то, что-то происходило, а сюда вести случайно доходили. Забредет какой богомолец, расскажет, что в мире делается.

- А как еще расскажет, - усмехнулся Максимов.

- То-то и оно.

- У отца Паисия документы проверяли? - Вдруг строго спросил Максимов.

- Нет, - Говорова пожала плечами, - и не думала об этом. Он вроде как лицо духовное... А надо было?

- Вообще-то паспорт у него должен быть. Он такой же гражданин, как и мы все. И в паспорте должны быть его установочные данные, ну и так далее... Отец Паисий он для него, - Максимов кивнул вверх, в сторону церковного купола.

Любовь Семеновна только потупилась.

- Участковый к вам часто заезжал?

- Наш участковый милиционер, Николай Иванович?

- Наверное, не знаю, кто у вас участковый уполномоченный от органов милиции, - Максимов понял, что наконец берет инициативу в свои руки. - Где эту бабу Олю найти?

- Так здесь она, с отцом... Паисием вместе живет... жила, готовила ему, прибирала.

- Давайте сходим к ней, - предложил Максимов уже на правах главного здесь.

У церкви Максимова и Говорову встретили местные жители, набралось их прилично, не только верующие старушки. И судя по лицам настрой у селян был совсем не дружественный. Майор понял, что пришли они не только за украденную икону просить, но и жаловаться, а может и требовать. И получилось так, что Максимов оказался у выхода из церкви на деревянных ступенях первым, а Любовь Семеновна вроде как и спряталась за представителем органов, хотя и сама была в деревне властью.

- Здравстуйте! - поздоровался Максимов.

- И тебе не болеть, начальник, - отозвался мужчина средних лет, выступив вперед, он больше ничего не сказал. Остальные тоже ждали и внимательно рассматривали майора - что он скажет.

"Вот те раз, - подумал Максимов, - второй раз я в такой ситуации, как с убийством Ваньши тогда. Но там знал о чем говорить. А тут... С чего начать? С картины... нет, не назвать бы ее еще картиной. Для них она настоящая икона, к тому же чудодейственная. Об отце Паисии? Еще сложнее. Не скажу же, что в будущее перенесся... Да и где он на самом деле?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.